

ВЕТЕР МЕЧТЫ

MYSTIC & FICTION

НАТАЛЬЯ РЕЗАНОВА ~ АННА ОУЭН

КОРАБЛИ С ВОСТОКА

Mystic & Fiction

Наталья Резанова
Корабли с Востока

ИД «Флюид ФриФлай»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

Резанова Н. В.

Корабли с Востока / Н. В. Резанова — ИД «Флюид ФриФлай»,
2020 — (Mystic & Fiction)

ISBN 978-5-906827-21-0

Порой из-за нескольких, не слишком важных с точки зрения окружающего мира событий все может измениться. В конце XVI столетия в далекой Японии произошло кое-что, не происходившее в известном нам прошлом, и история двинулась совсем другим путем. В итоге к середине XIX столетия просторы морей бороздили броненосцы, вычислительные машины стали отнюдь не диковинкой, было изобретено радио, начали развиваться авиация и кинематограф. Однако у человечества как кость в горле стояло не признающее технического прогресса Содружество Галаад, государство полубезумных религиозных фанатиков, занимающее большую часть Северо-Американского континента. И однажды терпение ведущих стран мира лопнуло – к берегам Галаада направились с востока японские и русские корабли под командованием капитана Эномото и вице-адмирала Попова...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-906827-21-0

© Резанова Н. В., 2020
© ИД «Флюид ФриФлай», 2020

Содержание

Часть первая	7
1. Тень победителя	9
2. На том берегу	16
3. Огнем на небесах	22
4. Рыцарь и дракон	31
5. Слово в строке	39
6. Сказка о храбром зайце	50
7. Две разновидности демонов	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Наталья Резанова, Анна Н. Оуэн Корабли с Востока

Наталья Резанова (Нижний Новгород, Россия) – прозаик, эссеист. Опубликовала 16 книг в жанрах исторической фэнтези и альтернативной истории. Лауреат литературных премий в области НФ.

Анна Н. Оуэн (Сидней, Австралия) – историк литературы, поэт, доктор философии.

Автор поэтических сборников и литературоведческих работ. Известна также как сетевой автор.

Часть первая Открытая страна

Литературный талант надобно подкреплять военным искусством.

Цао Цао, Вэйский У-ди

*В мир приходи только гостем,
И все в нем будет по праву.*

Датэ Масамунэ

Все персонажи являются реальными историческими лицами, однако описанные здесь события в известной нам истории происходили не совсем так. Или совсем не так. Или не происходили вовсе

Персонажи

Клан Тоётоми:

Тоётоми Хидэёси (Обезьяна) – великий регент Японии, тайко

Хидэёри — его сын и наследник

Хидэцугу, его племянник — регент Японии, кампаку

О-Нэ (Кита-но-Мандокоро, Кодай-ин) – жена Хидэёси

О-Тятя (Ёдогими, Дайко-ин) – наложница Хидэёси, мать наследника

Исида Мицунари (Лис с горы Сува) – старший советник

Дама Кодзосю — секретарь О-Нэ и советница Хидэёси

Ямаока Сима — вассал Хидэёси

Клан Токугава:

Токугава Иэясу (Старый Тануки) – князь, глава регентского совета, командующий войсками Восточной коалиции

Хидэтада — его старший сын, впоследствии сёгун

Тадатэру — младший сын Иэясу

Го-химэ (О-Эйю) – жена Хидэтады, сестра Ёдо

Токо-химэ, княгиня Икеда — дочь Иэясу

Хонда Масанобу — советник

Масадзуми — его сын

Хонда Тадакацу — полководец

Миура Андзин (Вильям Адамс) – адмирал

Клан Датэ:

Датэ Масамунэ (Одноглазый Дракон) – князь

Мэго-химэ — его жена

Датэ Масамити — младший брат Масамунэ

Датэ Сигезанэ — дядя и кузен Масамунэ

Хидэмунэ, Тадамунэ — сыновья Масамунэ

Ироха-химэ — дочь Масамунэ, помолвлена с Тадатэру

Катакура Кагэцуна (Кодзюро) – старший советник
Судзуки Мотонобу — советник
Хасекура Рокуэммон (Фелипе Франсиско) – посол Датэ в Европе
Дама Ямаока — фрейлина Мэго-химэ

Клан Уэсуги:

Уэсуги Кагэкацу — князь
О-Кикү — его жена
Наоэ Канэцугу — старший советник
О-Сэн — его жена
Маэда Кейдзи — вассал Уэсуги

Клан Санада:

Сапада Масаюки — князь
Нобуюки — его старший сын, вассал Токугава
Нобусигэ (Юкимура) – его младший сын, вассал Тоётоми
Комацу — жена Нобуюки, дочь Хонды Тадакацу
Аки-химэ — жена Нобусигэ

Клан Могами:

Могами Ёсиаки (Лис из Дэва) – князь
Ёси-химэ (Демоница из Оу) – его сестра, мать Дата Масамунэ

Клан Мори:

Мори Тэрумото – князь, командующий войсками Западной коалиции
Мори Хидэмото, его кузен

Полководцы Восточной коалиции:

Асано Дандзё Нагамаса (Дан – Стрелок) – брат О-Нэ
Като Киёмаса
Икеда Тэрумаса
Ии Наомаса (Красный Дьявол)

Прочие:

Луис де Веласко — вице-король Новой Испании
Родриго де Виверо-и-Веласко — кузен Луиса де Веласко, временный губернатор Манилы
Родриго де Виверо — его сын, дипломат
Луис Сотело — францисканец, миссионер
Сципионе Аматти — переводчик при посольстве
Роберто Беллармин — кардинал, Великий инквизитор
Лавиния Фонтана — придворный художник папы римского
Антонио Карним — иезуит, миссионер

1. Тень победителя

1595 год, лето

Замок – одна из тех мощных крепостей, что принялись строить, когда на благословенных берегах Присолнечной в обиход вошли пушки. В то же время это дворец, достойный верховного правителя. Так говорят одни, а другие порой говорят, но чаще молчат о том, что подобная грубая роскошь достойна лишь выскочки, выбравшегося из самых низов. Только крестьянин и сын крестьянина может отделять стены своего жилища золотом по золоту.

Господин тайко, великий регент, принимает дорогих гостей, приезжие выражают свое почтение господину тайко – любое дело можно назвать по-разному. Совсем недавно здесь, в Фусими, собирались князья, чтобы принести присягу наследнику. Сегодня – частная аудиенция. Только очень большая. В зале полно вассалов (а в Присолнечной нет больше владетелей, которые не были бы вассалами господина тайко), но общее внимание привлекают четверо.

Гости – двое мужчин в расцвете лет, один постарше, другой помоложе. Оба высоки, сильны, даже в парадных одеждах выглядят опытными воинами. Тот, что младше, – красив, с ясным взглядом и обезоруживающей улыбкой. Старший – не то чтобы нехорош, но лицо как лицо, ничего особенного, глаза полуприкрыты тяжелыми веками.

Принимающая сторона – оба невысоки ростом и худощавы. Но между ними различий больше. Один уже стар, нескладен, лицом и повадками напоминает обезьяну, и роскошь одежд это лишь подчеркивает. Его так всю жизнь и звали Обезьяной, в юности открыто, теперь за глаза. Он это знает и лишь усмехается. Другой почти вдвое моложе, изящен, с тонкими и мелкими чертами лица.

Это верховный правитель Японии Тоётоми Хидэёси со своим стратегом Исидой Мицунари. Гости – правитель северной провинции Этиго, князь Уэсуги Кагэкацу и его советник-стратег Наоэ Канэцугу. Только здесь советника обычно замечают первым.

Это отнюдь не первая встреча: разумеется, люди Этиго были и среди приносивших присягу. С Исидой Наоэ и вовсе в давней дружбе. Поэтому Хидэёси не скрыл от своего советника причину, по которой вновь пригласил этих двоих. Одну из причин.

Мицунари ответил, что он, конечно, с радостью повидает Наоэ, но господин тайко только зря тратит время: Мицунари временами ужасающе прямолинеен. И как только такой человек умудрился заполучить прозвище Лис? Возможно, потому, что предпочитает воевать с помощью хитрости и расчета. За это его в военном сословии крепко не любят: ему бы, мол, бумажки перекладывать, планы чертить и финансами заниматься, а не лезть в дела войны. Советник, в свою очередь, открыто презирает тех, кто думает, что дела войны и треклятые бумажки не связаны между собой, и обладает исключительным даром наживать себе врагов. Но Наоэ Канэцугу к их числу не принадлежит. Он и сам предпочитает на войне пользоваться головой не только для ношения шлема, а в мирное время, как Исида, – крайне одаренный администратор.

Много лет назад, когда смута Отате¹ расколола клан Уэсуги, никто не верил, что медлительный, не блистающий явными талантами Кагэкацу эту смуту переживет. И господин Ода Нобунага, которому тогда служил Хидэёси, не верил – хотя обещанную помощь противнику Кагэкацу так и не послал. Ему было выгодно, чтобы наследники великого Кэнсина уничтожили друг друга. Но Кагэкацу победил – во многом благодаря тому, что следовал советам Канэцугу, который тогда носил фамилию Хигути, и было ему лишь девятнадцать лет.

С тех пор слава Наоэ как стратега лишь упрочилась.

А господин тайко предпочитает забирать все самое лучшее себе.

¹ *Отате-но ран* — гражданская война в клане Уэсуги, 1578–1579 гг. (Примеч. авторов.)

Исида никогда не предаст. Ему невыгодно предавать, тайко – его главная опора. Но один человек – это мало. Если заполучить на свою сторону еще и Наоэ... эти двое не вцепятся друг другу в глотки, как сделали бы многие другие, а прекрасно сработаются. Но посмотрим, посмотрим.

Господин тайко предоставляет советникам начать беседу и лишь потом присоединяется к ней.

– Я рад, – говорит Исида, – повидать вас без этого зверинца.

Он бестактен, любой другой бы понял, что великому регенту «зверинец» напомнит об «обезьяне», но Исиду это не беспокоит. А как еще назвать сборище тех, кто ненавидит, интригует, устраивает заговоры, но не решается поднять голову в присутствии великого господина и клянется – который раз! – в нерушимой верности и ему, и его совсем еще юному наследнику? После того, как тайко заставил князей принести присягу ребенку, по Осаке, по Киото, по всей стране волнами поползли слухи о старческой подозрительности Обезьяны. Подозрительность! Рот Мицунари едва заметно дергается. Пример Оды Нобунаги, прежнего господина Хидэеси, внушавшего страх врагам, но убитого собственным полководцем, доказывает – если бы кому-то были нужны доказательства, – что предать может любой, даже самый близкий и доверенный. И великий регент имеет все основания рассуждать так. Кто прибыл на церемонию присяги?

Маэда Тошиэ, ближайший друг тайко с юных лет, сват, опора правления Тоётоми. Но как он вел себя во время смуты, охватившей страну после гибели Нобунаги? Воевал против Хидэеси и перешел на его сторону лишь тогда, когда стало окончательно ясно, за кем перевес.

Асано Нагамаса, чаще именуемый Дан, шурин тайко, его клятвенный брат – он-то всегда был с Хидэеси в одном лагере. Но разве он не давал понять, что предпочел бы, чтоб наследование осталось за родней его сестры – следовательно, и его родней? Настолько явно давал, что его предательские помыслы не вызывали сомнений.

Като Киёмаса, еще один блестящий полководец, поднявшийся из низов и потому пользовавшийся милостью регента, но способный в приступах ярости творить такое, что потом сам удивлялся. И это самые близкие. Чего тогда ждать от других? И что сказать о побежденных противниках и о тех, кто вынужден был примкнуть к Хидэеси перед лицом превосходящих сил? О тех, кто, до времени приглушив амбиции, только и ждет мгновения, когда тайко проявит слабость. Ведь они сильны, все еще очень сильны, эти владыки запада: Мори и Симадзу. По отдельности никто из них не совладевает с великим господином, но дай им волю, примутся рвать страну на себя, как уже делали раньше. Или те, у кого никогда не хватит сил на то, чтоб попытаться поднять свое знамя над столицей, но кто может попортить кровь просто из природного коварства, чтобы не потерять сноровки. Такие, как Курода Камбэй. Или старый Санада. Последнему, впрочем, многое прощается из-за сына. Санада Нобусигэ – один из немногих людей, которым тайко доверяет если не полностью, то настолько, чтоб позволить носить свою фамилию. Что не менее важно, ему доверяет и сам Исида, а это мало о ком можно сказать. Пожалуй что о Наоэ. Но ни Наоэ, ни его господина не нужно было принуждать к присяге, они пришли сами.

Однако тех, кого можно счесть врагами или предателями, гораздо больше.

Этот клубок северных змей – Могами. Они давно вцепились бы своими ядовитыми зубами в ту ногу, что их попирает, если б не были заняты постоянной грызней с родней и соседями.

И уж коли зашла речь об их родне и соседях, здесь были также те, кого тайко... нет, Исида не употребил бы слова «боится». Трудно представить, чтобы человек, поднявшийся от носильщика сандалий до правителя страны исключительно благодаря своим талантам, кого-либо боялся. Опасается – вот верное слово. И даже в частном разговоре избегает называть по именам. Только прозвищами.

Тануки и Дракон.

Старый барсук, чье мнимое благодушие многих ввело в заблуждение. Старый толстый ленивый зверь барсук. Мало кто помнит, что в тот единственный раз, когда они с великим господином встретились на поле боя, великий господин проиграл.

И молодой ящер, родня и вечный противник северного гадючника. Шесть лет он воевал у себя на севере против союза, многократно превосходящего числом. Когда в игру вмешался тайко, ящер дохрустывал остатками этого союза. С тех пор он сильно вырос.

С Наоэ Исиду сближает еще то, что он также не доверяет этим двоим. Мягко говоря.

Об этом они, правда, сегодня не упоминают – незачем портить настроение.

Даймё Уэсуги Кагэкацу молча наблюдает, как его советника осыпают похвалами, Наоэ отвечает, весело и непринужденно. Он к этому привык. Сам Кагэкацу вести светскую беседу не умеет, его считают чуть ли не косноязычным. И он предпочитает молчать. За него говорит советник.

Не бывает князя без стратега. «Господин – солнце, советник – луна, что видна лишь в его тени» – так говорят. И верно, у славного Такеды Сингэна был Косака Дандзё Масанобу, а в клане Датэ, не к ночи будь помянут, есть Катакура Кодзюро. Главным вассалом и советником великого Уэсуги Кэнсина тоже был человек, носящий фамилию Наоэ: теперь уже мало кто помнит, что нынешнему Наоэ он приходился бы не отцом, а тестем, если бы был жив. Но кто, кто когда видел, чтобы солнцем считали не господина, а советника?

Странно, но как раз за то, за что ненавидят Исиду, – Наоэ любят: за разумность, за практичность, даже за откровенность. Наверное, дело в характере – счастливом, солнечном. Князь Кагэкацу² всегда был в тени: прежде – приемного отца, полководца, не знавшего поражений, потом – блестящего сводного брата, теперь – Наоэ. Наверное, такова судьба наследника великого человека.

Приемный отец по праву считался лучшим полководцем страны и образцом самурайской чести. Это признавали все – и в первую очередь вечный его соперник Такеда Сингэн. Но сын Такеды, Кацуёри, не был даже тенью своего великого отца. А Уэсуги Кэнсин удивил всех, выбрав наследником из двух приемных сыновей ничем не примечательного Кагэкацу, а не блистательного Кагэтору. И теперь клан Уэсуги могуществен как никогда, а что стало с кланом Такеда? Осталась лишь дочь, на которой и женат Кагэкацу. Ее-то никто не попрекнет тем, что она лишь тень, ибо такова и должна быть женщина. Прямые же наследники пали.

Кагэкацу понимает, зачем Тоётоми пригласил их, и у него тягостно на сердце. Он наблюдает за беседой, а Тоётоми наблюдает за ним. Тайко любопытен этот бесцветный князь могущественной северной провинции. Интересно, как он себя поведет, – вот вторая причина приглашения.

Тоётоми и впрямь выскочка, простолюдин, достигший вершин власти, и, как все выскочки, мечтает основать несокрушимую династию. У него не было детей, несмотря на все его женолюбие, и наследником числился племянник Хидэцугу. То есть несколько лет назад знатнейшая из наложниц, хозяйка замка Ёдо, родила сына, но тот умер в раннем возрасте. Тогда Хидэцугу и был назван преемником. Но два года назад госпожа Ёдогими сумела подарить своему господину нового сына, и Хидэцугу стал не нужен. Злоумышлял ли он на самом деле против дяди – кто теперь разберет? Но Хидэёси обошелся с ним, как надлежит поступать с заговорщиками. Извел под корень весь его дом, вместе с чадами и домочадцами. А даймё обязаны были присягнуть на верность единственному законному наследнику, для чего их и созвали в столицу. Но шпионы тайко сообщали: во многих знатных домах ужасались сделанному, а то и открыто порицали правителя за излишнюю жестокость: мол, малые дети и юные

² Авторы в курсе, что имя Кагэкацу пишется не теми иероглифами, что «тень победителя», но позволяют себе использовать созвучие. (Примеч. авторов.)

девы чем виноваты? Особенно та, что лишь накануне прибыла из клана Могами и даже встретиться с нареченным не успела, а потому и казни как наложница не подлежала?

Проклятые лицемеры! Да есть ли в этой стране кто-нибудь среди знати, кто не губил, не убивал, не изгонял родичей? Все высокие роды связаны между собой сетью политических браков и усыновлений, на любой войне противник будет с тобой в той или иной степени родства, что уж говорить о семейных междоусобицах!

А Кагэкацу сказал: «Не мне его судить». И больше ничего. Он вообще многословием не отличался.

Но тайко понял и так: Кагэкацу, конечно же, думал о сводном брате Кагэторе и его семье, которые Отате-но ран не пережили. Это притом, что Кагэтора был сам во всем виноват – он поднял мятеж против того, кого покойный князь в своем письме назвал законным наследником. Так что рядом с прочими изгонявшими и убивавшими Кагэкацу просто святой архат. И все же он винит себя.

– Ты принес Этиго процветание и могущество, – говорит тайко, но обращается он не к князю – к Наоэ. – Там тебе двигаться выше некуда. Я хочу, чтоб ты служил мне.

Разрушать связи между господином и вассалом – против основ мирового порядка. Смаживать чужого вассала предосудительно. Это признают все – на словах. Но на деле поступают наоборот, и тут даже Наоэ не исключение. Под его влиянием в дом Уэсуги перешел племянник самого Маэды. Но Маэда Кейдзи не был ключевой фигурой в своем клане, с Наоэ они дружили давно, и тот случай не вызвал скандала. Тут дело другое.

Наоэ вежливо склоняет голову.

– Вынужден сказать «нет», великий господин. Я вассал князя Уэсуги.

– А если я дам тебе содержание в триста тысяч коку риса?

Такой доход впору предлагать князю, но никак не советнику.

– Нет, Хидэési-сама, – повторяет Наоэ со всей учтивостью.

Хидэési кивает Исиде, то делает знак слугам: все подготовлено заранее, за ларцами с золотом далеко ходить не надо. И золотой дождь льется перед Наоэ.

Кагэкацу смотрит из-под полуприкрытых век. Он догадывается, каким будет ответ. И все же...

Тайко внезапно обращается к нему:

– А что вы скажете на это, Уэсуги-сама?

– Я ни к чему не стану принуждать своего советника. Выбор за ним.

Он говорит медленно, но на людях он всегда говорит медленно.

Матушка, госпожа Сенто-ин, мудрая той мудростью, что отличает женщин и монахов, также знала, что не бывает князя без советника. И знала, как можно воспитать абсолютную преданность.

Взять пятилетнего мальчика из доброй, любящей семьи, отвезти его в чужой дом – «служить господину», обрубить родственные связи. Какое там служение! Это Кагэкацу, которому шел уже одиннадцатый год, нянчился с мальцом, пока тот плакал и просился к маме. Сенто-ин знала своего сына, и знала, что со временем тот и станет для мальчика семьей, вытеснит все прежние привязанности. Что бы ни случилось позже, какими бы связями с возрастом ни обрастал Канэцугу, господин всегда будет для него на первом месте.

Какими бы выдающимися талантами ни обладал Хигути Канэцугу, впоследствии принявший фамилию Наоэ, он находился в полной зависимости от своего господина.

Госпожа Сенто-ин не учла одного: у монеты две стороны.

Когда Кагэкацу сказал, что не может осуждать тай-ко, он думал не о Кагэторе, но о его маленьком сыне, своем племяннике. Сам Кагэкацу тоже был племянником бездетного Кэн-сина, и это давало ему право на первенство перед приемным братом, заложником из враждебного клана Ходзэ. Только это. Кагэтора был красив, отважен, все восхищались им, и даже

Кэнсин, казалось, любил его больше. Многие думали, что наследником станет он, Кэнсин же никак не выражал своей воли, и лишь после его смерти нашлось письмо, где право на власть было отписано Кагэкацу. Не все вассалы с этим смирились, и так началась кровавая смута, где Кагэтора нашел свою смерть. Сестра Кагэкацу, бывшая замужем за Кагэторой, любила его до самозабвения и последовала за ним. Что ж, она сама выбрала судьбу. Но их сын, маленький Доманмару – он такого не заслужил.

У самого Кагэкацу детей нет. А ведь ему уже сорок. Если б он озаботился тем, чтобы Доманмару остался в живых, то мог бы усыновить племянника, как его самого усыновил Кэнсин. Но в двадцать лет кто думает о таком?

Говорят, перед смертью Кагэтора проклял сводного брата, пожелав ему потерять то, что ему по-настоящему дорого. С тех пор провинция лишь прирастала мощью и благополучием. Но кто знает, когда сбудется проклятие – и как?

– У меня всегда будет только один господин – Уэсуги, – говорит Наоэ.

– Тогда просто прими от меня это золото в подарок.

По залу проносится восхищенный вздох, быть может, несколько демонстративный – такая щедрость!

Наоэ снова кланяется.

– Простите, великий господин, но вассал может принимать подарки лишь от своего даймё. Иначе это измена.

Против ожидания, Хидэёси ничуть не разгневан. Напротив, он смеется и хлопает в ладоши.

– Я доволен вами обоими. Истинный пример благородства! Где найти более преданного вассала и более великодушного господина? А потому... – Он внезапно становится серьезен, обезьянья ухмылка исчезает. – Я буду полагаться на вас в защите дома Тоётоми и моего наследника. На вас обоих.

Они едут обратно в Этиго. Торопиться некуда, лошади идут шагом. Свита почтительно держится поодаль. Даже те, кто не были на приеме, уже знают о произошедшем. На князя и советника смотрят с восторгом. В первую очередь на советника. Наоэ приветливо улыбается в ответ. Он знает, что они говорят: образец благородства, зеркало доблести, жемчужина среди самураев.

Жемчужина в своей раковине зреет и вырастает вокруг комка грязи, верно?

Только он знает, что таится в сердцевине жемчужины. Он и О-Сэн. Но жена ведь неотделима от мужа?

Нет, образец благородства и зеркало доблести – это не он, а покойный Кэнсин. Он искренне верил, что его приемные сыновья сумеют править вместе. Канэцугу еще мальчишкой понимал, что такое невозможно в принципе. А если к власти придет Кагэтора, это будет катастрофой для Этиго. Какими бы талантами ни блистал бывший заложник, в князя он не годится. Чтобы править, нужна ответственность. Этим свойством характера Кагэтора не обладал, зато им был в изобилии наделен Кагэкацу.

Когда Уэсуги Кэнсина хватил удар и все в замке впали в растерянность и молились за его выздоровление, восемнадцатилетний Хигути Канэцугу принял решение. За больным ухаживали дамы семьи Наоэ – семьи, наиболее близкой к княжеской и состоявшей в родстве с Хигути. Канэцугу до того много времени проводил с князем, помогая ему в составлении писем, хорошо знал его почерк и манеру изложения. И он написал письмо от имени Кэнсина, где упоминал о намерении оставить власть Кагэкацу. А О-Сэн выкрала у бесчувственного князя личную печать, которую Канэцугу приложил к документу.

В ту ночь они с О-Сэн поклялись, что никогда не проговорятся о своем подлоге, совершенном на благо Этиго и господина. И сдержали свою клятву. Впоследствии они поженились.

Их считают образцовой супружеской парой. Еще бы! Совместная лож связала их прочнее любых других уз.

Наоэ ни на миг не пожалел о содеянном. Последующие события подтвердили его правоту. Кагэтора оттолкнул от себя всех, призвав в Этиго исконных врагов клана – лишь бы власть не досталась Кагэкацу. А тому помогла выстоять уверенность, что он законный наследник. Он провел клан Уэсуги через войны и испытания, тогда как другие кланы, казалось бы более могущественные, были побеждены и исчезли. И в убийстве маленького Доманмару Кагэкацу не виноват, это трагическая случайность, неизбежная во время войны. Нет, не подлог считал Наоэ своим преступлением. А ложь. Много лет он ежедневно лгал господину, который ему беспредельно доверял. И будет лгать до конца своей жизни.

Как всегда, ему нетрудно догадаться, о чем думает Кагэкацу. Тот неизменно откровенен с советником и не скрывает от него своих страхов.

– Господин, – говорит он, – вы не Кэнсин, но вам и не надо им быть. Не стоит верить в проклятия. И даже если оно осуществится, моей преданности вы не потеряете никогда.

Тайко и его советник пьют чай в покоях замка Фусими. Господин тайко недавно казнил своего лучшего мастера чайных церемоний, но по-прежнему любит само занятие.

– Вот видишь, – говорит он со своей обезьяньей ухмылкой, – я в выигрыше. И всегда выигрываю. Я не уговорил Наоэ, зато заполучил их обоих.

– Но зачем это вам? – Да, Мицунари прямолинеен, как копьё асигару.

– Они мне нужны. Я стар и болен... – Тайко незачем прикидываться, Мицунари известно это лучше, чем кому-либо другому. – ...а мой сын еще мал. Покуда я жив, я могу справиться с любым противником. Но когда меня не станет...

– Я буду защищать Хидэёри-сама ценой своей жизни.

– Знаю. Но один ты не справишься. Хидэёри и тебе понадобится сильная поддержка. И сегодня я ее тебе обеспечил. Потому что, – тайко все больше мрачнеет, – ты сладишь с ними со всеми поодиночке, но если те двое сговорятся? Так, по крайней мере, Уэсуги прикроют север. Кстати, надо бы дать им там владения побольше. А то был я в этом Этиго – что там есть, кроме гор и снега? Вот в Айдзу у нас Гамо Удзисато помер. И очень своевременно, надо сказать, помер. Нечего заниматься интригами, если не умеешь, особенно при таком соседе. А сын его с соседом не справится... особенно если те сговорятся...

Он не называет имен, но Исида прекрасно понимает, о ком речь.

– Не думаю, Хидэёси-сама, что они когда-нибудь сумеют сговориться. Они оба хитры и коварны, оба жаждут власти – а это повод для соперничества, не для союза. Но даже не это главное. Тануки и дракон – звери слишком разной породы. Тануки осторожен, слишком осторожен, он просчитывает все возможности, и при этом теряет драгоценное время, и все его полководческие таланты, бесспорно замечательные, пропадают втуне. А дракон... он и есть дракон. При всей своей хитрости – существо непредсказуемое. Они никогда не поймут друг друга. Даже если между ними возможен временный союз, – ходят слухи, что они сговорили своих детей? – они все равно будут в первую очередь желать сожрать друг друга.

«Вот тут и сказывается разница в возрасте, – думает тайко. – Сейчас тануки заматерел, обрюзг, стал медлителен, его излюбленная тактика – выжидание и расчет, и только таким ты его и знаешь. Но я-то помню его с... Сколько ему было лет, когда он сражался вместе с Имагавой против Оды и вместе с Одой против Такеды? Не старше, чем Канэцугу во время смуты Отате. И я помню, на что он готов, что он умеет в крайности. Что, если наш тануки тоже вспомнит, что и он способен расправить крылья – широкие такие, тяжелые, кожистые? И тогда звери разной породы смогут, смогут сговориться...»

Он отвлекся и не слушает того, что говорит советник. Это нехорошо. Тайко не должен позволять возрасту брать над собой верх. Надо сосредоточиться. О ком это Мицунари? Ах да, о драконе.

– ...и его отчаянная храбрость проистекает, в сущности, из плохого зрения. Один глаз слепой, другой – близорукий. Издалека он противника просто не различает, потому и рвется поближе, сметая все на своем пути...

Тайко смеется. Шутка и в самом деле удачная, она отогнала мрачные мысли. Стало легче дышать, иглу вынули из сердца. Верховный правитель решительно доволен сегодняшним днем.

Смеясь, он отпускает Исиду. И они расходятся. Господин тайко идет к самой юной из своих наложниц, Мицунари – выразить почтение госпоже Ёдогими и наследнику.

2. На том берегу

1600 год, лето

За обедом и на военном совете сват не произнес четырех слов подряд, а если общим счетом – то дюжины две. Окружающие старались не встречаться с ним глазами – очень все же неприятно, когда глядят сквозь, будто тебя здесь настолько нет, что ты даже деревянный узор на стене рассматривать не мешаешь. А возмутишься грубостью... тут, может быть, заметят – но к добру ли? И стоит ли затевать ссору сейчас, накануне прямой войны? С родичем хозяина и самым сильным его союзником?

А война уже не стоит на пороге, она перешагнула порог и пока оглядывается по сторонам, любопытно и чуть растерянно, как человек, вошедший с летней улицы в полутемную прохладную комнату, или как пленец, только отряхнувший с себя скорлупу.

Великий господин тайко умер, оставив по себе малолетнего сына, единую страну и два совета, призванных вести дела страны до совершеннолетия господина Хидэёри. Совет старейшин-регентов и совет чиновников-управителей. Одни решают, что делать, другие – как и кому. Оба набраны из сильнейших людей Присолнечной, да таких, что им отроду друг с другом не сговориться, – а значит, никому не удастся поколебать положение наследника.

Тайко ошибся. Друг с другом – никогда. Друг против друга – лист упасть не успеет. Страна распалась на запад и восток. Маэда Тошиэ, старый Пес князя Оды, потом Пес тайко, держал центр Присолнечной – и баланс сил, но очень скоро годы увели его догонять тайко на темной дороге, а его сыновья не стоили отца... Равновесие рухнуло. Теперь оставалось только узнать, у кого острее копыя и вернее союзники – у стратега тайко Исиды Мицунари или у главы регентского совета – Токугавы Иэясу.

Сват даже не морщился, слыша про копыя и союзников. Даже не глядел пристально, как умел. Но говорившим почему-то становилось не по себе – и они тоже потом старались не смотреть в ту сторону.

Сам хозяин в другой раз посмеялся бы – шепоткам, маневрам уклонения и всему прочему, – да он и в этот раз посмеялся, но поговорить тем не менее было нужно.

Так что он улучил момент и тихо попросил зайти вечером, после восхода луны. Одному. Сват – одетый со всей сдержанностью и вкусом пьяной птицы-шалашника – поклонился, блеснув женской шпилькой в волосах, почти вежливо поблагодарил за честь и пообещал быть. В три слова.

К ночи ничего не изменилось, потому что пришел он и правда один. Даже тень свою оставил снаружи. Хозяин примерно того и ждал – поэтому тоже сидел на верхней веранде башни в практически полном одиночестве.

Телохраниитель за деревянной перегородкой не в счет. Да и не успеет, в случае чего, телохраниитель.

В небе – светло-серая, металлическая, перекошенная луна. Яркая – деревья внизу отбрасывают длинные тени. Каменные стены дышат дневным теплом, а деревянный пол уже остыл и перестал кусаться. На жаровне два чайника – глиняный и металлический, на подставках – плоски светлого лака, чтобы удобнее полуночничать. Фонарь. Два человека. Если посмотреть со стороны и сквозь веки, станет видно чуть иначе: гость – одноглазая ящерица тридцати трех лет, все еще удивленная тем, что удалось прожить так долго, да – ящерица, длинная, сизостальная, угловатая и не особенно страшная – пока не взлетит. И хозяин – пожилой барсук, на четверть века старше гостя, когда-то был молодым барсуком и тоже удивлялся каждому прожитому дню. Теперь не удивляется, а просто делает новый день из предыдущего, почти

привычно, почти не замечая, мелкое обыденное чудо: прошел огонь, а я здесь, прошла волна, а я здесь, прошла война... а это решится не здесь, но, может быть, сегодня.

Потому что хозяин – не только владелец этих покоев, не только старый барсук, уже четыре десятка лет не позволяющий истории проехать по своей норе, но и восемь провинций Канто, сотни тысяч подданных, десятки тысяч бойцов, главенство в регентском совете Присолнечной, род Токугава. И сейчас этого – недостаточно. Даже чтобы выжить, обо всем прочем не говоря.

А гость – это северное княжество Ивадэяма, которое, как знают все, внутри много больше, чем снаружи, растит два урожая в год на землях, где по законам природы не всегда и один соберешь, добывает из-под тамошних гор то, чего там и не лежало, кормит армию неизвестного числа и хорошо известного качества и отбрасывает очень длинную тень на весь север Присолнечной... а хочет отбрасывать – много дальше.

Семейство Дата, потомки Фудзивара, нежная придворная глициния, проросшая в зиму, приросшая к зиме, дороги и дамбы, каналы и ветрозащитные насыпи, гроздь крепостей, пуленепробиваемые лепестки. Не первую сотню лет головная боль любого правителя страны, лакомый союзник для любого мятежника. То, что глава дома Дата сейчас сидит здесь, смотрит на южную луну черным пустым глазом, – само по себе состав преступления. Но война почти пришла, а преступление она знает только одно – потерпеть поражение.

Старый барсук, Токугава Иэясу, тянет руку к металлическому чайнику – предлагает. Гость, Дата Масамунэ, чуть поворачивает гребенчатую голову, минимумом средств выражает вежливое удивление. Что он станет делать в подпитии, предсказать не может даже он сам, а пьянеет – легко и быстро.

Хозяин бы воздержался, но... надо поговорить. Необходимо.

– Это красное сладкое вино, какое делают южные варвары, – поясняет он. – Когда меня им впервые угостили, я решил было, что это кровь. Вкус мне и сейчас не нравится, кисловат, но вам может быть интересно.

Гость кивает, с поклоном протягивает плоску, некоторое время смотрит на жидкость, вдыхает пар, делает маленький глоток, потом еще один. Потом опускает плоску на подставку, наливает хозяину сакэ... Кажется, его устраивает вкус.

Луна наполовину переплыла к соседнему дереву – и когда только успела?

– Вы читали то примечательное письмо, которое отправил мне молодой Наоэ? – спрашивает барсук.

Нет, конечно, не читал, да и не мог. Это ясно хозяину. Дело даже не в том, что копии получили только члены регентского и исполнительного советов. Дело в том, что сват был в дороге и его люди попросту никак не успевали передать ему текст, который прибыл в Осаку всего лишь на сутки раньше него самого.

– Тогда устраивайтесь и послушайте, это стоит того. Нет, – усмехается хозяин, – он не испортит нам луну, даже наоборот.

Глотнуть из плоски жидкость цвета луны, порадоваться, что сват не подозревает его в глупости, не боится отравы, а значит, можно не делить с ним чайник и пить сакэ... у иноземного вина нет плотности, нет запаха, нет тяжелого, горького масляного привкуса, тянущего за собой в опьянение, на дно. Это красное даже теплым пьется как вода, никакого веса. Чужое.

– Вы же знаете, – продолжил хозяин, – я тут на днях сам направил дорогому коллеге по регентскому совету, господину Уэсуги Кагэкацу, послание: недоумение выражал. Как это так, у нас в стране, можно сказать, почти мир, наконец, даже младший Маэда на меня покушаться перестал, даже обиженные генералы за Исидой больше не гоняются. Да что там, даже вас не слышно! А в него вдруг вселилось что-то. Крепость на своей южной границе строить у меня под дверью, дороги для войск расчищать – что за сон? Приехал бы, объяснился. Но господин князь, надежда и опора западной коалиции, даром что живет на востоке ровно между мной

и вами, меня ответом не удостоил. Зато удостоил его старший советник – и не только меня, а всех подряд.

Барсук закатил глаза, на манер театрального актера, чуть приподнял лаковую плошку и взвыл голосом благородного героя:

– «Поистине жаль, что вы считаете, что мой господин, Кагэкацу, не проводит достаточно времени в Киото. Уэсуги сменили территорию всего два года назад. Если мы будем все время ездить в Киото, мы не сможем управлять провинцией. Обвинять Кагэкацу в измене на этом основании – верх ошибки. Хотел бы я посмотреть в лицо тому... поверхностному человеку, который распространяет эти слухи».

Когда он дошел до слов: «Как вышло, что такой тип, как Хори Хидэхару, смог оставить в дураках такого замечательного человека, как вы?» – то услышал, как носик металлического чайника тычется в стенку плошки, как льется, слегка булькая, невесомая заморская жидкость. Сработало.

– «Вы обвиняете нас в том, что мы закупаем оружие, – но это естественное поведение для самураев с окраин. Это лучше, чем сходить с ума по идиотским чайным приборам, как обитатели столичных округов, и уж точно это не должно вызывать беспокойства...»

Уэсуги граничат с Хори в Этиго, с Датэ, Могами и многими иными кланами, однако только господин Хори Хидэхару из Касугаяма орет про измену, и всего лишь из-за того, что мы строим дорогу в соседнюю провинцию... Вероятно, он дурак».

Тут луна ушла за облако – видимо, сохранять серьезную мину у нее уже не получалось.

– «Сегодня у людей, лелеющих измену, вошло в моду склонять голову, если они не видят шансов победить. Однако ставить господина Кагэкацу на одну доску с такой низкой сволочью – воистину оскорбление для него».

А вот здесь не выдержал и сват. Потому что звук справа, – это не ночная птица: это тихий хриплый кашель, заменяющий ему смех.

– А дальше уже скучно, – разочарованно пояснил барсук. – «Если вы поверите лжецу и не проведете подходящее расследование, Уэсуги в Киото не поедут. И будет ли в том виноват Кагэкацу? Или вина ляжет на вас, Иэясу, и на ваше двурушничество? Пусть решает Небо».

– Это не скучно... – смеется ящер. Теперь он похож нельзя сказать на себя – он и раньше был, скорее на другого себя, на того, в ком много легче опознать летучую огнедышащую тварь с дурным характером и не менее скверными намерениями. – Это обязательная часть, как упоминание сезона в стихотворении. Приди и возьми, если не трус. Вызов, простой как лужа, как раз в духе Уэсуги. И вы, конечно же, встанете и пойдете объяснять, что с вами так не разговаривают, а вам придется – трусу здесь власти не видать... Пойдете и застрянете на какое-то время, зря они, что ли, крепости строили? А за вашей спиной Исида соберет и двинет армию; другой бы не смог так быстро, этот сможет и успеет. Хрусть... и прощай самая страшная угроза дому Тоётоми.

Сват шарит над жаровней, находит на ощупь правильный чайник, подливает старшему сакэ. Он плохо видит в темноте. Он вообще плохо видит, даже здоровым глазом. Близорук. И шутит, что так даже удобнее: чего тебе не видно, того ты не боишься. Вот если бы читать мешало, было бы плохо. Но не мешает.

– Молодец Наоэ, – качает головой сват, – хорошая ловушка, и на поверхности все, и не объехать. Но про себя слишком много рассказал, можно бы поменьше.

– Вы тоже гадали, кто у них там из двоих главный? – спрашивает хозяин. Ему смешно. Они со сватом совсем разные люди. А вот выводы все время делают одинаковые.

– Куда я денусь? Гадал, конечно. Соседи же. Теперь и гадать не надо.

Гадать не надо, дело светлее дня. Советник Наоэ Канэцугу написал вызов от своего имени, заверил своей печатью. Для людей неумных и, как это он выразился, «поверхностных» – просто сделал тайное явным. Признал, что землями Уэсуги управляет не князь – бездарь и

тряпка, а советник. А на самом деле – показал совсем, совсем другое. Шагнул на первую линию, под удар. В случае поражения это с советника снимут голову, свои же снимут в виде извинения, а с князя – какой спрос. Но будь этот князь и правда бездарью и тряпкой, будь он хотя бы менее ценен, чем советник, – тогда Наоэ не стал бы рисковать собой. Ответственность не дала бы. Поберег бы умную голову, ради клана поберег бы. А он рискнул. Значит, последняя линия обороны проходит не по нему. Значит, старший в паре – не по званию, а по существу – бесцветный бессловесный Уэсуги Кагэкацу.

– Давно же они начали, – вздыхает барсук.

– Давно, – соглашается ящер. – Лет с пятнадцати, наверное. Когда поняли, что из них двоих не собрать одного Кэнсина... Не можешь играть вверх, играй вниз. – Поворачивается и спрашивает, серьезно и кристально трезво: – Ты зачем меня поил? Не об Уэсуги же сплетничать.

– Ты почему на совете молчал? Тебя за этим туда звали? – сверху вниз, старший к младшему и много грубей исходной подачи.

Луна ушла вверх, ей здесь не место.

– Ты звал, откуда мне знать, зачем? План мне нравится, я промолчал. Уэсуги он бы тоже понравился, но и мне.

– Говори, – приказ.

Ящер тянется, вытаскивает из очага жаровню, прямо на деревянный пол – загорится так загорится, право же, пожаром больше... да и погасят, никуда не денутся. Разравнивает песок в очаге, придвигает фонарь. Оглядывается, берет палочки с подноса для закусок.

– Чудесный план, – поет он, рисуя палочкой на песке. Он плохо видит в темноте, очень плохо; у него есть свой стратег, и отличный, но он нужен для того, чтобы решить, где и когда воевать; как воевать, князь знает сам. – Ты громко собираешь все окрестности покарать бунтовщика и нахала, который тебе нежные письма шлет, к тебе на самых законных основаниях стекаются все, кто поддерживает тебя, и все, кто терпеть не может Исида с Уэсуги... вы толпою выступаете на север, Исида делает ход – и тут вы разворачиваетесь и падаете на них как сокол на цаплю, а Уэсуги в своей новообретенной провинции Айдзу вдруг обнаруживает, что напрочь окружен твоими союзниками: Хори Хидэхару из Этиго, Маэда из Кара, Сатаке из Хитати... – На импровизированной песчаной карте одно за другим возникают владения. – Челюсти сомкнутся, и наступит полная победа.

– Продолжай.

– Твой Хори Хидэхару, который в Этиго, он дурак без всяких «вероятно». И не потому, что доносы бредовые пишет. Он не умеет обращаться с людьми. Он пришел в бывшую провинцию Уэсуги и за два года допек крестьян и мелких самураев до пожара – а это суметь надо! Кагэкацу стоит только свистнуть – и там поднимется все. Хуже тебе скажу, даже если он их пожалеет и не свистнет, они поднимутся все равно, ради старой верности и шанса избавиться от этого кретина. Забудь про него. Ему повезет, если он переживет осень.

Этиго исчезает с карты.

– Дальше.

– Сатаке Ёсисиге сменит сторону.

– Ты предвзят и плохо о нем думаешь. – Сатаке Ёсисиге... Последний из старых врагов ящера, кто еще ходит по земле. Последний, кто как-то причастен к смерти яще-рова отца. Краем, но причастен. Но краем. Но причастен.

– Я его знаю и думаю о нем хорошо, – щерится сват. – Если бы я думал о нем плохо, сказал бы, что останется с тобой. Ты обещал ему безопасность. А Исида ему друг – и он предложил много больше. Сатаке не дурак и отроду не был трусом, он пойдет за старой дружбой и крупным кушем.

– Что ему пообещали?

– Половину твоего Канто. Четыре из восьми провинций, – смеется младший, стирая земли Хитати. – Вторую половину они еще делят.

– А что они пообещали тебе? – Насколько известно хозяину – все восемь провинций целиком.

– Слишком мало. – Гость тянется за вином, наливает не глядя, так же пьет. – Ты же знаешь, я хочу все.

«Знаю, – вздыхает про себя барсук, вдыхает аромат сакэ, – ты мне уже который раз говоришь. Тебе нравится говорить это – мне. Если мы когда-нибудь поссоримся, это произойдет не из-за власти, а из-за вещей куда более серьезных... Из-за несовпадения во вкусах, например».

– А Маэда придет, – продолжает сват. – Но не раньше чем справится с младшим братом, который бросил копать под тебя и начал под семью. С ним – и с коалицией мелких сторонников Исиды у себя в подбрюшье. Он придет – но опоздает.

Третья провинция рассыпается песком. Дорога из Айдзу на юг – открыта.

– Я думаю, – поясняет сват, – что они прекрасно все это понимали, когда сочиняли свое письмо.

Летние ночи коротки, а лето уже началось. Можно выпить еще, но день все равно наступит быстро, а с ним начнется война.

– И чем же тебе нравится план?

– Тем же, чем и тебе, – пожимает плечами ящер. – Он сработает. Так даже лучше. Смотри, – ведет он палочкой по песку. – Ты пойдешь на север с шумом и гамом, и еще до того, как ты развернешься, я ударю со своей стороны. Вот тут. Для тебя это север, для меня юг, неважно, капша³ побери направления. Вот тут вот... – Палочка встает под углом. – ...Сироиси. Это не только замок, это доступ к трем дорогам. К подбрюшью Айдзу и к сердцу Айдзу. А мой дядюшка Могами тем временем пойдет прямо с севера. Тут. И Уэсуги не рискнут ударить тебе в спину сразу, как ты повернешь. Не захотят попасть между двух огней. Они будут считать, что у них есть время – свернуть шею дяде, высадить меня за реку... Только им придется неприятно удивиться. Они увязнут. Тебе должно хватить.

– Могами? – В голосе барсука легкое сомнение.

– Будет драться, пока его глаза черны. Он очень любил дочь, тайко зря приказал ее убить. Дядюшка хочет мести, ты можешь ему ее дать. А я, так и быть, отложу свои с ним разногласия до победы.

Теперь луна стоит высоко над башней, смотрит в ящик с песком: ей сверху, наверное, очень хорошо все видно и внятно, лучше, чем людям на веранде. Если барсук сумеет уйти от одного врага – на север от себя – и перехватить другого – на юге, война может закончиться в том же году, в одно сражение.

– А что будет, – улыбается хозяин, – если мы с тобой их недооценили и они все же рискнут и ударят на юг, мне в спину?

Ящер поворачивает голову, смотрит удивленно: что тут нужно объяснять-то?

– Я же сказал, – морщится он, – из Сироиси идут три дороги. Эта, – он выговаривает раздельно, как ребенку, – ведет прямо к Курокава.

К столице Айдзу, главной крепости Уэсуги.

– Я ее уже разок брал, – напоминает сват, – не у них, но брал. И они помнят, что я ее брал. Как пойдут, так вернуться.

– Ты не успеешь отойти.

– Мне не надо отходить. – Сват подбирает палочку, стучит ею себя по лбу, смеется костяному звуку. – И громить их мне не обязательно. Если они опоздают на день – они опоздают навсегда.

³ Водяной в японской мифологии. (Примеч. авторов.)

– У них довольно большая армия... раз в шесть больше твоей.

– И очень хорошие генералы. Так что если я возьму Айдзу, второй раз я его не отдам, – говорит ящер. – Уж извини, даже тебе.

Что на это можно сказать? Только кивнуть. Сват намерен поставить на кон все – свою драгоценную армию, свой драгоценный север... никогда он не рисковал ими так, до конца. Головой – да, и не однажды, землей и людьми – никогда. Теперь рискует. Спрашивать почему – бессмысленно, честного ответа все равно не дожждаться – да его и не получилось бы понять. Слишком они разные люди. И звери.

– Ничем я не рискую, – недовольно морщится гость, глядя на пустой чайник. – Ничем. Ваша бесконечная светлость не хуже меня понимает: у тех, кто сейчас вступит в бой, есть вшивый, но шанс, – объясняет он, мешая уличную речь с придворной грамматикой. – Даже в случае поражения есть. Те, кто сейчас отвернет, – мертвы. Их сожрут изнутри, их предадут и продадут... В мирное время можно править, не уважая себя, но нам такой роскоши еще долго не видать.

Хозяин гладит прохладное дерево веранды. Он знает все завитки на ощупь. Часто тут сидит. И почти всегда – один.

– Да, – соглашается он. – Вы это и тогда говорили...

И замолкает, вспомнив, что говорил это – не сват. Потому что свату тогда было шесть лет в совсем другой стране. Это говорил он сам, двадцать восемь лет назад, под Микатагахара, глядя на превосходящие во всех смыслах силы Такеды Сингэна, улыбаясь в глаза почти неизбежному разгрому. Тот, кто сейчас отвернет, – мертв, и земля его мертва. Он тогда не отдал дорогу без боя, проиграл, выжил и сохранил провинцию. И теперь, вспоминая, слышит кашляющий смех ящера за левым плечом. Там, тогда, в прошлом.

Впрочем, эту ошибку делали все. Все, кто когда-то ходил под знаменами с цветком айвы или рядом с этими знаменами. Все бывшие вассалы и союзники князя Оды, те, с кем он взялся объединить страну. Все они помнили Датэ там, где его быть не могло, – и раз на раз проговаривались. Даже великий господин тайко изволил как-то ругаться, что он эту тварь еще с первой киотской кампании невзлюбил... тоже потом смеялся. А сват никого никогда не поправлял. Сначала барсук думал – потому что ему лестно. Потом понял: он тоже не помнит, вернее, помнит что-то свое. Для себя он – тоже их ровесник, а вот Наоэ, который старше его на семь лет – «молодой Наоэ». И, наверное, так оно и есть.

– Вот только приехал, – жалуется на судьбу ящер, – и теперь придется обратно.

– Отдохните здесь пару дней... – За пару дней война не убежит.

– Нет. – Сват изображает поклон, встает, машет палочкой луне, застывает, задумавшись, втыкает инструмент в прическу. – Сейчас я пойду и устрою здесь много шума, раз уж вы меня напоили. Не пропадать же вину. С утра поеду в Киото и устрою немного шума там, покажусь. А из столицы двинусь не сюда, а прямо домой. Мне нужно успеть раньше вас. Если они все же не рискнут... я потом пошлю вам всех стрелков, которых смогу оторвать от севера.

– Встретимся, – соглашается хозяин, – на том берегу.

Ему тоже предстоит веселая война – его силы и силы противника примерно равны. Даже без Уэсуги.

– Непременно.

«Мы не можем доверять друг другу ни на медную монету, – объясняет Иэясу луне. – Но что за беда? Зато мы можем друг другу верить».

И слышит, как в коридоре Масамунэ громогласно обращается к своей тени:

– Прав Наоэ, эти южане – неженки непроходимые. Они здесь портвейн подают подогретым, представь. Портвейн! И это летом. Что ж они делают зимой?

3. Огнем на небесах

1600 год, октябрь

В замке Сироиси пахнет старым дымом и свежим деревом, пахнет осенью, железом, каменной крошкой, лошадьми, множеством людей, но дымом – больше всего. Этим летом замок горел. Его брали штурмом – и взяли с боя. А три месяца спустя он целехонек и светит аппетитными каменными изломами, блестит свежeproпитанным деревом. Настроение в замке такое же – с иголки, и все на месте. Ночью баржи с припасом, а главное – с порохом, прошли по реке. Тихо-тихо, без весел, на одном течении. Так что противник засек их только на траверзе замка, уже под разгрузкой. И, конечно, ничего не успел, потому что даже дозорные посты стояли слишком далеко. А стояли они далеко, потому что стоять близко их еще с лета отучили. Так что порох прибыл благополучно, и его теперь хватит с запасом, и люди готовы, и оружие, и очень скоро пойдет из замка отвлекающий маневр, а потом... Вот так, чешуйка за чешуйку, рычажок за рычажок, мелочь за мелочью растет война. Если это правильная война.

А недалеко впереди, в будущем, зубчатое колесико здесь, на северо-западе, сомкнется с другим таким же на прямом севере и провернется, приводя в движение большой механизм, подобный варварским часам – только судьба ему не отсчитывать время, а менять его.

Три армии вывел в эту кампанию на север Наоэ Канэцугу, старший советник клана Уэсуги, три настоящих самостоятельных армии вывел в Дэва, на земли противника, и, жонглируя ими, прижал-таки тамошнего хозяина, Могами Ёсиаки, лиса из Дэва, почти к самой стенке. На вражеской территории, с обрезанными линиями снабжения, прижал. Умеет. И без особых потерь, кстати. Один замок ему осталось взять – и открыта дорога на Ямагату, столицу провинции, самую серьезную ее крепость, а у Могами – последнюю. Стены там неплохи, но против тяжелой артиллерии и хороших инженеров – не устоят. У Наоэ Канэцугу есть хорошие инженеры. Он и сам хороший инженер. Так?

Почти так. Только нет в Ямагате уже ни самого лиса, ни его главных сил. Утекли, просочились – по своей все же земле – и теперь, как вода, собираются и накапливаются у Наоэ за спиной. Этого не хватит для победы. Этого и для настоящего боя не хватит, вот только они там не одни. Потому что новый хозяин замка Сироиси послал дорогому дяде почтительный подарочек, и этот подарочек – очень неплохая кавалерия с очень неплохим командиром – уже на месте. Две половины трясогузкина клюва. И крепость в качестве стены. Если вы переживете это, господин старший советник, значит, вы и правда что-то умеете. Нет – туда и дорога.

Все хорошо, все было хорошо, до середины этой стражи, до гонца, который хрипит и кашляет на деревянном полу, будто у него в боку лишняя дыра, до письма с юга.

Катакура Кагецуна, бесцветный человек лет сорока, начальник штаба армии по должности и тень своего князя по очень старому выбору, читает письмо через плечо господина – и никто не удивляется такому возмутительному нарушению писанных и неписанных обычаев.

– Кажется, – с некоторым затруднением произносит начальник штаба, – настаивая на союзе с Токугавой, я дал вашей светлости исключительно дурной совет.

– Слишком много на себя берешь, – отбивает подачу князь. – Просто там, наверху, любят на нас смотреть и поднимают ставки каждый раз, когда мы пытаемся сыграть по маленькой. Пора бы нам начать на это закладываться, вот что.

Свежесобравшийся совет – треть военного, четверть гражданского, все, кто войной и делом случился сегодня в замке, слушает привычный шелест пикировки, ждет, пока с ним поделятся сведениями. Что бы ни случилось на юге, у союзников, это не конец света. А если даже и конец, то на этот случай тоже кое-что припасено.

Десять лет у них было на то, чтобы придумать эту войну. Десять лет – это долго.

Письмо – одно из двух – уходит на одну свежелакированную ступеньку вниз, к совету, рушится как поток весенней воды, который тут же разбирают на струйки сведений каналы и канальчики оросительной системы. В ночь на пятнадцатый день девятого месяца... то есть пять с половиной суток назад, хорошо шла почта, с учетом того, что ночью все только началось... осенью, по мокрым дорогам, полстраны, считай, молодец гонец, кстати, давайте его сюда, пусть пробелы восполняет... в ночь на пятнадцатый день девятого месяца противник, которому удалось расположиться выше по склонам... это где?

Это в обход замка Огаки, объясняет гонец, замок наши поставили в вилку еще днем, противник без якоря остался, пришлось искать новую позицию, но быстро нашли, для себя удобную, для нас не очень, там деревушка такая, Сэкигахара... Сильный ливень, видимость? Да почти никакая видимость, на длину вытянутой руки, и все, – наши нападения не ждали, потому что у Западной коалиции не армия, а игра «угадай благовоние», всего перемешано, да вдобавок непонятно, кто командует, официально главный у них – Мори Тэрумото, как старший среди даймё, а на деле – Исида Мицунари, потому что Исида, в общем, наши бы на их месте дожидались дня и хоть какой-то возможности ориентироваться и управлять, а они не стали. Кто-то у них умный оказался, по реляциям пленные говорят – Укита Хидэиэ.

Понятно, кивают себе господа совет, глядя на наскоро сооруженную из чего попало диспозицию. Они выше по склону, а господин найфу⁴ за ними пошел и ниже встал, нехорошо для себя встал, неудобно, опасно. Вот они и встревожились. Иэясу хороший генерал, из живущих едва не лучший, если так стоит – значит, у него в рукаве что-то есть. И узнать, что у него там есть, в тот момент, когда он достанет, – это немножко поздно получится. Выжить не успеешь. Значит, Укита по доброй памяти корейской войны и предложил напасть ночью. Тем более ливень, шум, внезапность. И Исида его послушал – видно, ему тоже падалю пахло. Правильно пахло, а послушал зря, может, днем бы они выкрутились лучше. А так они атаковали, и хорошо получилось, несмотря на путаницу, все равно центр нам промяли в прах... И тут их тыл ударил им в тыл. Шестнадцать тысяч, считай, переметнулось, они в рукаве и лежали. Войска Исиды – вдребезги, войска Укиты – вдребезги, и сам он погиб, Симадзу – тот прорвался, Мори, даром что главнокомандующий, вообще до сражения не дошел, не успел, так и отступил. Нарубили... уже утром сочли, тысяч на тридцать. А в той суматохе никто и не понял, что господин найфу ранен... Он сам не понял, не заметил, когда и как – увлекся. И крови почти не было. Вся внутрь пошла. Жив, но... Пять дней, десять дней – не больше. Исида? Неизвестно где, тела не нашли, живым не поймали.

Господа совет переглядываются через карту. Вот вам и генеральное сражение. Потери противника велики, конечно, зато мы остались без человека, на котором держалась вся сторона. И у противника они еще все заново соберутся, тем более что Мори ушел целым, а у нас начнется. Десяток амбициозных генералов в отсутствие очевидного лидера.

Гонец опускает на подставку чашку с водой – и тут только замечает, что есть чашка, подставка и вода. Очень трудно помнить о мире вокруг, когда нужно одновременно говорить и слушать, когда где-то за стеной не прекращается легкий зудящий гул и почему-то очень холодно, не из-за осени, не из-за севера, не из-за потери крови даже – глупости, капли, – а так... Очень трудно, особенно если ты сейчас не ты, а совсем никто, посторонний, гонец из эстафеты с характерным провинциальным выговором. Всех умений – ездить верхом, драться и запоминать.

Второе письмо, раскрытое от угла, мгновенно прочитанное, мгновенно скомканное, летит наискосок в жаровню. Князь чуть дергает головой: все в порядке, не обращайтесь внимания. Тянет руку за трубкой. Курит он, если верить рапортам, три-четыре раза в день, почти

⁴ Титул Токугавы Иэясу. (Примеч. авторов.)

по часам, без всякого видимого удовольствия. Как лекарство. И другим советует, говорит: так думается быстрее.

Совет – чешуйчатые фигуры над бумагой, чешуйчатые тени, еще более странные тени от стоящих пока на полу шлемов – не обращает внимания, не отвлекается, ходит мыслью по карте, разговаривает семью ртами хором, подхватывая слова друг друга. Механизм – несколько сложнее ручной картечницы, несколько проще часов. Составлен из живых людей, но это не так уж важно. Кажется, это все же думает гонец, но эта мысль может сложиться в воздухе и сама.

Отсутствие очевидного лидера, да. Потому что Токугава Хидэтада, второй из живущих сыновей Иэясу и до недавнего времени явный наследник, умудрился не успеть к решающему сражению, собственно, никуда не успеть: полез по дороге за каким-то капшой штурмовать Уэду и завяз там со всем хозяйством на тридцать с лишним тысяч бойцов... А оно бы могло решить исход боя, и ему это припомнят. И смерть отца непременно поставят в счет – и, возможно, собственные братья. Искренне – или увидев свой шанс. А в армии Иэясу в этот раз не только его вассалы, но и множество союзников, в том числе и союзников полуслучайных, тех, кого туда привела ненависть к Исиде Мицунари или причуды региональных отношений. Они и при жизни господина найфу умудрялись ссориться – вплоть до драк между своими вокруг того, кому штурмовать очередной замок первым... Возможны какие угодно срывы, какие угодно новые альянсы. Предсказать ничего нельзя – кроме того, что молодой Хидэтада с этим точно не справится. Там вообще сейчас нет человека, который мог бы с этим справиться. Ни на одной стороне.

– А он жив вообще? Господин Хидэтада? И будет ли жив?

Гонец не знает этого генерала, сухого и темнолицего, старше многих здесь, уже прожил свои полвека под небом. Гонец не знает, а другой человек, спящий в нем, помнит по имени – Мониwa Цунамото: встречал, однажды даже воевал рядом, не будем вспоминать где, тем более что вопрос и так поднял спящего опасно близко к поверхности.

– Жив, – с готовностью кивает гонец. – Господин найфу изволил сильно гневаться и собиpался приказать ему умереть, как только тот прибудет в лагерь... но передумал.

Это правда, и это то, что гонец эстафеты мог слышать. Стены из ткани – не стены.

– Кто его переубедил?

– Сын советника, Хонда Масадзуми.

– Как?

– Не знаю.

Правда. Не знаю. Мы оба не знаем. Скорее всего – никак. Скорее всего, господин Иэясу просто взял себя в руки и вспомнил, что из всех его сыновей выжить, победить и править способен только этот – несмотря на нынешнее дурацкое опоздание. Только у него есть какой-то шанс. У остальных его нет вовсе.

Судзуки Мотонубу, круглолицый южанин, бывший купец, а ныне... а ныне много что, в частности – тот, кто отвечает за дела управления, когда его светлость покидает княжество, бьет черно-белым веером по письму, прищипливает его к карте.

– Это ловушка, – говорит он без всяких прелюдий и «если осмелюсь сказать». – Как хотите, это может быть только ловушка.

Слишком вольно держится, отмечает спящий. Господин найфу тоже любит, любил и ценил купцов, тоже был внимателен к ним, но он не стал бы вводить купца в совет клана, доверять ему войско, позволять высказываться первым.

– То письмо, – князь указывает черенком трубки на жаровню, – диктовал Иэясу. В здравом уме и хорошей памяти.

И по четкому выговору и совершенно бесцветной интонации все, кроме гонца и включая спящего, понимают, что его светлость стеклянно зол, как с ним бывает. Что-то ему там написали. Обычно в таком состоянии князь старается не отдавать распоряжений и не подходить к

людям, а то вместо вымышленных страшных историй случаются настоящие, но война не позволяет выбирать.

– Но, – продолжает князь, – ты прав, ловушка. Этого к нам пропустили. Уже знали, с чем он едет. Уэсуги Кагэацу... – Он выбивает трубку, медленно, в три приема. – ...про-пустил.

Гонец пытается что-то хрипнуть, возразить, от него отмахиваются: сиди, и он замолкает, будто воздух из него вышел. А Судзуки Мотонобу продолжает – раз уж начал, и прав.

– Они рассчитывают, – веер плывет над границей, – что мы не станем вмешиваться. Иэясу умирает, больше у нас на юге союзников нет, обязательств нет – если бы это вообще было важно. Что будем делать мы? Мы постараемся отхватить все что успеем здесь, на севере, и потом договоримся с победителем. Или, если победителя не будет, потихоньку начнем распространяться на юг. А если, – веер схлопывается, – победителем окажется кто-то неподходящий, мы уйдем в глухую оборону и начнем торговаться. У нас есть, чем торговаться: они порядочно обескровят друг друга, а война с нами насмерть обойдется слишком дорого даже в случае победы. И следует помнить, что тому, кто занят нами, могут с легкостью ударить в спину. Об этом можно даже договориться заранее. Они рассчитывают именно на это, потому что...

– Потому что, – подхватывает доселе молчавший начальник штаба, – мы именно так и поступили в прошлый раз. И в позапрошлый тоже. Правда, – морщится он, – позапрошлый не все заметили. Списали на удачу. Но наш нынешний противник неглуп и сведения о нас собирает давно.

– Даже лишнее. Описанное – это очевидное решение в нашем положении, – пожимает плечами Мотонобу. – И оно отвечает всему, что они о нас знают. Я думаю, Уэсуги собирается на юг, выручать своих. С его войсками у Запада остается хороший шанс. Вот потому и пропустил гонца, чтобы мы пленились возможными приобретениями вдоль границы и не помешали. В конце концов, Айдзу – не его родная земля, провинцию подарил ему тайко, и совсем недавно, он может себе позволить потерять немного территории, если на кону власть в стране. – Мотонобу подумал и добавил: – И его представления о долге и справедливости.

– О справедливости, – каркнул князь и встал. Подошел к окну, забранному узкими продольными прутьями, посмотрел, как стоит солнце. – Кстати, о справедливости. Эстафету.

Свист, шорох, люди возникают из коридора, по очереди опускаются на колени.

– Первое. В Дэва. К армии. К моему дяде и вассалу Рюсю Масакагэ и моему дяде, правителю Дэва, Мотаами Ёсиаки. В ближайшие дни ваш противник начнет отступление. Возможно, оно уже началось. Приказываю: если еще не сделали – дать сражение. Не позволить им отойти к своей границе. Если можно – уничтожить, если нельзя – связать. Старшего советника Наоэ Канэцугу не выпускать в любом случае. – Помолчал, хрустнул пальцами. – А если мой дядя Мотаами Ёсиаки вдруг спросит, с чего это я вздумал ему приказывать, то... впрочем, он умный человек. Он не спросит. Удачи.

Короткое движение человека, чуть более длинное движение воздуха.

Гонец с юга щурится в темный коридор. Если он правильно понял, князю Уэсуги Кагэацу предстоит потерять не просто кусок территории... а все. Может быть, это даже немного поможет тем, кто на юге.

Второй.

– Резервам у границы с Дэва выдвигаться, конечно, на соединение. С тем же приказом. Начальник штаба разворачивается к князю.

– Резервы? Как союзники, мы уже сделали больше, чем должны. В остальном не разумнее ли предоставить господина Мотаами Ёсиаки и особенно госпожу Ёси-химэ их собственным умениям и собственной... судьбе?

Здесь нет нужды в спящем, здесь и сам гонец знает достаточно, вся страна знает. Дата враждуют с Мотаами столько лет, сколько живут рядом. Попытка связать семью браком не удалась настолько, насколько это возможно: сестра нынешнего князя Мотаами, мать нынешнего

князя Датэ десять лет назад пыталась отравить сына и только чудом не преуспела. Если Наоэ Канэцугу чего-то стоит как полководец, а он многого стоит, то с наличными силами Могами, скорее всего, потеряет либо большую часть армии, либо столицу. И сестру. Которую тень и воспитатель князя, выхोдивший его после того случая, кажется, очень хочет видеть мертвой.

– Не разумнее, – резко отвечает князь.

Почему же? Обескровить или погубить одного смертного врага руками другого, не нарушив притом ни единого обязательства – чем не стратегия? Тень Сун Цзы качается над жаровней, поощрительно кивает.

– Мой дядя как генерал если уступает нам, то ненамного. Он занимает место на поле. Пока он стоит, противник будет вынужден принимать его в расчет. Зачем нам сейчас, – Датэ ловит пальцами вялый осенний солнечный луч, – пустота на правом фланге? Если Могами предаст, это будет после войны.

– В этом мире, похожем на горящий дом, всегда выбирай выгоду, потому что от опасности все равно уйти нельзя, – непочтительно... или почтительно добавляет бывший купец, и совет смеется, весь, включая начальника штаба. Видно, странное это поучение всем здесь известно и привычно. Гонец не смеется, он слушает и запоминает.

Его светлость Дракон все еще стоит лицом к окну.

– Не могу понять, – говорит он в пространство, – зачем они заключают союзы? Кровью подписываются, пепел едят, детьми обмениваются. Все равно любая клятва действует, только пока есть сила. И все это знают. И все равно. Трата времени.

– Людям нужно за что-то держаться, – пожимает плечами начальник штаба, будто к присутствующим это не относится.

– Но они не держатся, они падают. И не только последние сто лет, а вообще от начала, – бросает через плечо князь и не меняя тона произносит: – Сигезанэ.

Человек с сороконожкой на шлеме оборачивается – и тут становится видно, насколько они с князем похожи. А что им не быть похожими: дядя и племянник по одной линии, двоюродные братья по другой. Близко роднятся люди на севере. Похожи, а не перепутаешь, и не в пустой глазнице князя дело. Ни с какого похмелья не принять золотую сороконожку, любимицу бога войны, бесстрашное многочисленное насекомое, не умеющее ходить назад, за сизую смерть с небес. Даже если они одной крови. Даже если сороконожка способна не только возглавлять прорыв, но и руководить сетью – из-под камня на вражеской земле. Годами. Даже в этом случае.

– Господин?

– Оборона остается на тебе. Завтра переберешься назад, за реку. Здесь оставишь кого-то с приказом хорошо притворяться тобой, пока можно. Когда станет нельзя, все сжечь и отойти. Все остальное – как противник. Если я не вернусь...

– Я стану опорой молодому господи...

– Молодому господину полтора года, – спокойно констатирует ящер, и в зал снисходит полная тишина. – Я тебе что, Обезьяна, заводиться с регентским советом посреди войны? Оно и посреди мира, как видишь, не особенно удачно выходит. Возьмешь всю власть. Сумеешь выцарапать и вытащить остальных – значит, твоя по праву. Отдашь, когда сочтешь нужным, как у нас принято, – при жизни, тому, кто подойдет. Можешь считать это приказом. Свидетелей достаточно. Но это, – князь улыбается половиной рта, – если я не вернусь. На что я бы не рассчитывал. С этим все.

Князь отвечает кивком на поклон пока-еще-не-наследника. А тот уже не здесь, ему уже все ясно: старший братец не сошел с ума, а нынешние слова не завешание и не обещание. Они рычаг. Обоим советам и всем большим родам княжества придется помнить теперь, что они имеют дело не с таким же генералом, как они сами, не с временным заместителем, а, возможно, с их будущим правителем. Совсем другой разговор, правда?

Гонец с юга недоуменно смотрит на великого генерала. Оборона... Какая оборона?

Спящий в нем морщится во сне. Его учили – сначала отец, потом господин. Его учили искать чувство, идти за чувством. Разум, интерес, польза – это инструменты, средства. Задачи ставит только сердце. Пойми, что человек чувствует, и ты будешь знать, что он сделает. Иногда даже, как именно сделает. Иди за чувством, не ошибешься. Здесь и сейчас, в верхнем зале новой главной башни чувства хватало на полстраны. Только понять не получалось. «Всегда выбирай выгоду, потому что от опасности уйти нельзя...»

– Мы очень рискуем, – наклоняет голову начальник штаба. – Мы очень рискуем – и для чего?

Чем рискуют? О чем речь? Разговаривают как в пятый раз, как в сотый раз, о чем-то давно задуманном – а у нас, конечно же, опять ничего не знали...

Желтый свет ложится наискосок – на коричневое блестящее дерево, черный лак доспехов, масляно-золотые украшения на шлемах... Если не держать фокус, не пить мелкими глотками горячую воду, тебя унесет одними бликами, как вьюгой, как лепестками, уволочет, похоронит на дне сна. Не сейчас. Гонцу вполне уместно заснуть – но это хорошие люди, хорошие и вежливые, они не оставят спящего здесь, прикажут перенести куда-нибудь, где ему будет удобней. Нельзя.

А над картой бывший купец снова смотрит в упор на потомственного воина и тоже – как и его светлость – дальнюю северную ветвь Фудзивара.

– Сколько продлится смута, прежде чем мы сможем по-настоящему вмешаться? – спрашивает он.

– В самом лучшем случае лет пять, шесть. В худшем – не меньше десяти.

– Девять лет назад, – опять шелкает веером Судзуки Мотонобу, – великий господин регент сумел отобрать оружие у крестьян. Еще за десять лет до того никому – даже ему самому – не пришло бы в голову пробовать такое. Не получилось бы, ни с какой военной силой... Ни у кого бы не получилось. Сейчас люди хотят мира почти любой ценой... скоро захотят просто любой. Но может быть и хуже, может быть, через десять лет мира уже негде будет взять, как после войны Севера и Юга.

– Это может быть нам и на руку, – перекашивается навстречу Монива, – если мы не будем торопиться...

– Кроме того, – подхватывает начштаба, – я, Ката-кура, говорю: все, чего мы хотим, сделать надежно можно только с самого верха. А это значит, сейчас нам лучше именно что не торопиться.

Собравшиеся округ карты кивают.

– Не торопиться, – скрипит с помоста. – Люди устали... пустяки. Хуже вам скажу, мы сами устали.

Его светлость встает – с удивительно негромким множественным лязгом. Хорошо пригнанный доспех и привычка носить его. Такая привычка, что вес замечаешь, когда его нет, а не когда он есть, это нам знакомо...

Подходит, приседает на колено, кладет ладонь на север карты. Вот так видно, что роста в нем всего ничего, пока двигается – не замечаешь.

– Десять лет назад, говорите? – смеется. – Десять лет назад господин регент сказал нам: «Признайте мою власть или умрите», и мы решали, драться ли нам против всей Присолнечной. И большинство из вас было за то, чтобы драться. А сейчас? А сейчас мы все готовы ждать. Через десять лет здесь не будет нас. Через десять лет, – он поворачивается к начальнику штаба, и теперь гонцу видна только правая часть лица, пустая и мертвая, – я даже за себя не поручусь. Слишком привык выживать. Но и это не все.

Черно-золотой веер ложится поверх черно-белого.

– За эти годы привыкнут все. Привыкнут ко всему, что сделал покойный регент. Ко всему. Будут вспоминать как блаженное время мира... Все, кому под страхом позорной смерти запрещали менять сословие. Все, кому назначали налог до предела голода. Все, у кого забирали родных в заложники, как бы лояльны ни были они сами. Все, чьи жизни пустили в песок, когда затеяли войну на той стороне моря, не удосужившись завести океанский флот. Будут – вы знаете людей, и я их знаю. Господин Хонда... Эй, господин Хонда, вы там уснули, что ли?

Хонда Масадзуми, сын ближайшего советника – и друга – Токугавы Иэясу, вероятно, уже мертвого Токугавы Иэясу. Хонда Масадзуми, генерал и финансист, ровесник Дракона, пять дней назад шантажировавший своего господина собственной смертью... кажется, успешно шантажировавший, убедивший пощадить сына, открывает глаза внутри гонца – а потом глаза самого гонца.

Значит, его допустили на совет и потом оставили в зале не потому, что сочли личность посланца достаточно незначительной, а потому что опознали сразу. Так тоже могло быть.

– Прошу прощения, ваша светлость, – говорит он, и его голос хрипит почти так же, как голос гонца, но не спотыкается на сложных словах – и по певческой шкале расположен на полтона ниже. – Я, ничтожный...

– Глупости. Допустим, старик переменял мнение насчет сына. А до нашего прибытия молодой человек доживет?

До нашего прибытия. С армией. Мори отступал на Осаку. Остатки разбитой западной армии потянутся туда же. Войска восточной коалиции рано или поздно пойдут за ними и там, конечно, застрянут – очень уж хорошая крепость. До Осаки отсюда с войском не меньше семи дней, никак не меньше. Пол твердый, воздух холодный, дым от жаровни – горький. Мир стоит на месте.

– Если исключить чудеса и слишком дурные поступки, совершенные в прошлой жизни – доживет. С ним мой отец... – А это сила, способная справиться со всем, кроме воли богов. Но в пояснениях это не нуждается. А теперь набрать еще немного осеннего воздуха: – Мой... мой господин и мой отец будут бесконечно рады помощи лучшего из ныне живущих полководцев.

И дело опять же не в способностях, а в том, что с поддержкой Ивадэямы молодой господин станет сильнее любого из своих союзников и родичей, взятых по отдельности, – и даже почти всех их, взятых вместе. Это простенькое уравнение записано огнем на небесах... Его прочтут все, и, если успеть за неделю, за восемь дней, междоусобицы в рядах восточной армии может не случиться совсем... Здешний хозяин прав. Те, кто привык уступать силе, будут уступать ей и дальше.

– Вот видите, – кивает его светлость совету. – Это судьба. И если ломать игру – то всю и от начала. Начиная с дурных привычек.

Начальник штаба быстро улыбается и почтительно склоняет голову. При чем тут судьба? Что ломать? Но дело, как ни странно, сделано. Даже уговаривать не пришлось. Главное – дело сделано. Все. Можно падать.

Сборы он проспал, выезд он почти проспал, половину ночного боя он умудрился практически проспять, во всяком случае заслон они снесли как во сне – не легко, не беззвучно, но как-то не по-дневному, не по яви быстро и окончательно: вот есть противник, вот летит в сторону чей-то факел вместе с рукой, вот тянется и не дотягивается лезвие, а вот врагов уже совсем нет.

Своих не так уж много: четыре тысячи, кавалерия и стрелки, стрелки тоже верхами. Лошадей много больше, а люди – ударная сила и демонстрация присутствия. Пополам – того и другого. Уэсуги всю весну и все лето чинили дороги через свое новое княжество, очень мило с их стороны, без них ночной бросок был бы невозможен, а так далеко можно уйти, а потом еще дальше. А на потом придумано. И еще придумано. Он слышал, почти слышал, когда не спал.

Утром его светлость задержал коня рядом с ним, посмотрел, дернул ртом:

– Знаете, что сказал мне ваш... – поискал слово, – будущий бог-покровитель в личном письме? Выразил сожаление, что по его милости я опять вынужден смотреть не с той стороны реки.

Хонда Масадзуми не читал письма. А если бы читал – не повез бы. Про берег все-таки знали все. Про то, как отца его светлости захватили в заложники – и уже успели переправиться, так что не догнать. И тогда он, с того берега, приказал своим стрелять. А сын – ему тогда было восемнадцать – повторил приказ. О тех из причастных, кто имел глупость не умереть, ходили потом страшные истории. Вряд ли они были страшнее правды. Господин Иэясу, написав эти строки... совершил ошибку. Простительную для умирающего, но очень большую...

– Глупости, – усмехнулся его светлость Дракон, – он меня просто разозлил ненадолго. Но столько страсти, и главное – совершенно зря.

Тень за правым плечом, за незрячим глазом его светлости молчит, как и полагается тени. Но, кажется, вот ее, тень, письмо господина Иэясу разозлило надолго.

Опасный враг – господин начальник штаба. Но это – потом. Как говорят здесь, то, что будет после войны, – будет после войны.

– Зря?

– Зря, зря. Ему вовсе не нужно было меня подталкивать. Допустим, он мертв, и силы за ним нет, но что с того? Наши интересы все еще совпадают. А значит, победитель или мятежник, живой или мертвый – он по-прежнему мой союзник.

В небе над ними тек облачный клин – сизая северная глициния тянула лепестки на юг.

Из семейного архива клана Датэ

1595 год

У старшего ссадина как раз под мертвым глазом. Аккуратная такая, свежепромытая. У младшего заплывает левая сторона лица, волосы в пыли, правая рука висит как кукольная, а всего остального, если оно есть, не видно, потому что он сидит на полу.

– Ну и? – спрашивает старший тоном человека, который закинул невод и после долгих трудов вытащил не крупного морского черта и двух контрабандистов.

– Я... не мог не попробовать, – хрипит младший. Во рту у него пересохло еще несколько часов назад, воды ему никто не предлагал, а сам он не просил. – Мне нужно было знать, кто из нас... я не мог. Я должен был попытаться – я бы иначе с ума сошел, и было бы только хуже.

– Тут ты, конечно, прав, – кивает старший. Видимо, представлял себе много разных «хуже».

– Тебе пришлось бы меня убить. Это-то ты понимаешь?

– Нет, – мотает головой младший. – Нет... Я надеялся, что ты уступишь, если я докажу, что сильнее. Подчинишься мне. Обычай. И у тебя нет наследника...

– Размечтался, – кривится старший. – Никогда бы я тебе не уступил – потому что ты дурак и не годишься. Ты собственные ножки сосчитать не можешь, любимец бога войны. Молчи. Засада была хорошая, хвалю. В этом ты разбираешься. Но о регенте ты забыл. Оставь ты меня в живых, он бы непременно воспользовался этим, чтобы вогнать клин в наш дом. И ни ты, ни я не смогли бы этому помешать – ты сам дал бы ему право, наличием внутренней смуты и переворота. Более того, он даже обязан был бы вмешаться – я ему какой-никакой, а вассал, и, пока я жив, смещать меня может только он. Да хоть я три раза сдайся и шесть раз поклянись впредь служить тебе, ответственный человек на твоём месте должен был бы устроить мне несчастный случай на охоте в тот же день. Молчи. Я знаю, что ты не врешь и правда надеялся, что обойдется. К сожалению.

– Разнес ты... мою засаду.

– Разнес. И замок сожгу. Жалко, но лучше по дереву, чем по людям. Кстати, советника твоего я все же укорочу.

– Он пытался меня остановить. – Младший вскидывает голову. Сейчас, когда левый глаз у него не открывается, видно, как они со старшим похожи. Почти совсем одна кровь. И разница – в год. Двадцать восемь и двадцать семь.

– Плохо пытался. Но главное – он пропустил две трети моих наблюдателей. Это ты должен был застать меня врасплох, а не я тебя. Мятеж – ладно.

Мятеж на тьяп-ляп? Пусть спасибо скажет, ему не это положено. А ты не говори. Тебя вообще больше нет. Ты изгнан и уходишь от мира. На гору Коя.

– Что я должен буду там делать... господин?

– О! Правильный вопрос. Сначала – ничего. Слишком много глаз. Потом регент предложит тебе помощь. Ты откажешься. Потом еще подождешь. Потом тебя найдут. Я тут сижу полуслепой, потому что границы наши обложены, сам знаешь, и сообщения доходят одно из десяти. Займись. Чтобы в столице моргнуть никто не мог так, чтобы мы не знали. Сделаешь, настроишь, можешь возвращаться.

Младший кланяется в пол.

– Ничтожный благодарен за возможность сделать эту малость. – Распрямляется. – Самому пригодится, если что.

Старший кивает.

– Правильный ответ, опять хвалю. Что?

– Почему вы... почему ты меня не остановил? Если знал. И ты убил родного брата за меньшее. А я тебе – двоюродный.

Старший разводит руками.

– Не остановил, потому что ты дурак и учишься только на собственных ошибках. И только если их вогнать тебе в глотку и не дать выплюнуть. Как и я, кстати. И ты не сидел и смотрел, как меня травят чужими руками. И выбрал для своей затеи время, когда вокруг нет войны, а регент занят... Вон, в общем, отсюда, пока я не передумал.

Младший очень хорошо знает, что это не шутка и не угроза, – и отползает к выходу так быстро, как позволяет левый бок.

– И если ты и в следующий раз не примешь в расчет политику, – летит вслед ему, – или прозеваешь моих шпионов, я тебя на воротах повешу, господин младший братец. И снимать запрещу.

Видимо, думает младший, которого впервые в жизни назвали братом, а не кузенком, видимо, боги и будды спасибо вам, это была действительно хорошая засада.

4. Рыцарь и дракон

Наоэ Канэцугу был очень добрым человеком. Кроме того, он был человеком доброжелательным, что не всегда совпадает, а на должности стратега в природе почти не встречается. Окружающие обычно поначалу видели в его поведении хитрый тактический ход, ибо счесть его глупостью было невозможно – будь Наоэ глуп, он бы до своих лет не дожил. И когда до людей доходило, что к ним действительно обращаются с открытой душой и чистым сердцем, это, как правило, обезоруживало похлеще любой хитрости. Даже Исида Мицунари не устоял, а уж он-то был известен скверным характером не меньше, чем острым умом.

Но было исключение, о которое доброжелательность Наоэ разбивалась, как капли дождя о каменную стену. Исключение смотрело на мир единственным близоруким глазом – при этом умудряясь все замечать, одевалось с вызовом традициям и просто хорошему вкусу, носило непристойно короткую стрижку и нагло усмехалось в лицо мирозданию – и самому Наоэ. Тогда Наоэ забывал о своих обычных манерах и правилах хорошего тона и начинал говорить такое, что впору доброму другу Мицунари отвести его в сторону и напомнить все многолетние нотации, что надо-де следить за языком, сдерживать себя и не наживать лишних врагов. Наоэ и сам это прекрасно понимал. И тем не менее.

Самого себя старший советник отнюдь не считал безупречным, но умел отличать хорошее от плохого, а добро от зла. Уэсуги – добро, Датэ – зло, это совершенно ясно и сомнению не подлежит. Мы несем справедливость по заветам великого Кэнсина, мы защищаем крестьян и горожан, кои не в силах защитить себя сами, мы даем возможность бедным избавиться от голода – с помощью мягких и разумных законов. Мы заботимся о процветании наук и искусств, ибо Уэсуги так же чтут книгу, как и меч. И это непреложная истина.

Такая же истина, что Датэ Масамунэ есть воплощение зла. Наоэ понял это еще тринадцать лет назад, когда молодой хозяин тогда еще Ёнедзавы вышел на оперативный простор и его стали называть уже не Этот Щенок Датэ, а Дракон. Очень быстро стали называть. Советник собирал сведения о нем и раньше, это входило в его обязанности – в конце концов, владения Датэ располагались на север от Этиго и с отцом Дракона людям Уэсуги доводилось встречаться в бою, но одно дело привычка знать о соседях все, а другое – грозовая туча, потихоньку складывающаяся из облаков над твоей границей.

Сведения были не из приятных. Война – жестокое дело, Наоэ не любил ее. На войне даже самые лучшие люди не всегда могут себе позволить брать пленных и щадить сдавшихся. Как бы ни хотелось, не всегда. Но даже князь Ода, которого не зря называли Демоном Шестого Неба, не приказывал снести с лица земли вражеский замок со всеми обитателями, всего лишь чтобы послать сообщение. Ему – а Ода тоже был врагом Уэсуги, а также врагом богов и будд – для таких распоряжений все же требовались более существенные причины. Личные привычки Масамунэ отличались от его способов вести войну в худшую сторону. Рассказывали, что он пишет стихи свежей кровью пытаемых пленников, а разрубленное тело владельца замка Нихонмацу приказал сшить стеблями своей родовой глицинии и в таком виде распять. Дракон, как есть дракон. Которому всегда и всего мало, который стремится захватить как можно больше земель, угнетает беззащитных и все тащит в свое логово. Как это произошло с провинцией Айдзу, которую он захватил под предлогом мести за отца. Он не заслуживает права на доброе отношение.

Но Наоэ был добр и не желал Масамунэ смерти. Это недостойно человека, начертавшего девиз «любовь» на своем шлеме. Только справедливого наказания хотел он, как требуют традиции Уэсуги. Каковое и было осуществлено господином регентом. Дракон смирился перед законом, Айдзу у него отобрали. Справедливость восторжествовала.

Только освобожденные крестьяне не должны поднимать восстаний, требуя, чтоб им вернули угнетателя. Но это происходило – и это было неправильно.

Госпожа Мэго-химэ, жена Датэ, была вытребована в Киото в качестве заложницы, равно как жены и дети других даймё, ради обеспечения лояльности. Исключений не должно быть ни для кого, сказал господин регент, даже для самых верных соратников, таких как Уэсуги. Это уничтожит подозрения в фаворитизме, все окажутся в равном положении, и так будет достигнуто спокойствие в стране. Скрепя сердце, Наоэ должен признать правоту Хидэёси. Его приказы порой устрашали – или повергали в уныние, но именно Хидэёси удалось сделать то, чего никому не удавалось уже столетиями: объединить и умиротворить страну. И с меньшими, надобно признать, жертвами, чем это сделал бы тот самый Ода Нобунага, былой господин Хидэёси.

Но княгиню Датэ вызвали в столицу совершенно правильно. И не только потому, что ее мужа никак нельзя было назвать верным соратником регента. То есть приходилось признавать, но с очень большой осторожностью. Нет, дело не только в этом. Мэго-химэ – это не то, что госпожа О-Кику, княгиня Уэсуги, которая заливалась слезами, расставаясь с возлюбленным супругом, и пребывала в полном отчаянии из-за предстоящей разлуки.

Советник только раз видел княгиню во время переговоров. Тогда она не произнесла ни слова. От страха, решил он. Юная прекрасная женщина, с отрочества отданная во власть чудовища. Несомненно, разлучить ее с таким мужем было благим делом. В столице она вздохнет свободно.

Что там произошло по приезде Мэго-химэ в столицу, сам Наоэ не видел. А дословно пересказать то, что госпожа наговорила регенту, окружающие не решались. Отводя глаза, сообщали, что дама была крайне невежлива, и не вдавались в подробности. Сам же регент, когда вышел из ступора, пришел то ли в ужас, то ли в совершеннейший восторг от подобных манер, а госпожа Кита-но-Мандокоро, супруга регента, немедля сдружилась с княгиней Датэ.

И это было только начало. Дальше дела пошли вообще поперек всех понятий. Спасенные принцессы не должны заседать в государственном совете от имени дракона и в его интересах. А именно это и произошло, при полном попрании традиций.

А при ближайшем рассмотрении оказывалось, что Датэ устанавливает на своих землях – и тех землях, которые считает своими, – законы, которые обеспечивают благоденствие этих земель. И науки и искусства насаждает. Внедряет новые способы хозяйствования. Собирает библиотеки. То есть делает то же, что и Уэсуги. А это неправильно. Ведь Уэсуги – добро, а зло не может быть таким же.

Умом Наоэ давно понял, что значительную часть жутких слухов о Масамунэ сам же Масамунэ и распускает. Это ему выгодно. Как выгодно внушить людям, будто бы его интересует только война, а во всем прочем он ничего не смыслит и действует, руководствуясь чем угодно, кроме разума. Даже сам тайко способен был на это повестись – и на этом споткнуться. И Гамо Удзисато, получивший от регента во владение многострадальное княжество Айдзу и попытавшийся подвести неудобного соседа под обвинение в государственной измене. Тем более что у него были для это все основания. Казалось бы, ящеру в лучшем случае позволят вспороть себе живот, а скорее, казнят позорной смертью. Но ящер вывернулся – чешуя, она скользкая, а Гамо остался с репутацией интригана, да еще и неумелого. И Наоэ так и не сумел для себя решить – позволил ли тайко себя обмануть, или получал удовольствие от представления.

И не будем вспоминать фигуры помельче – тех, кто пытался играть на этом поле и потерял войска, земли, саму жизнь, тела, отданные на прокорм глициниям. Все, все понимал Наоэ, но ничего не мог с собой поделывать. Потому что человека, который полностью рушит твою картину мира, можно только ненавидеть.

Да полно, человек ли он? Здесь любят навешивать сколько-нибудь заметным фигурам хлесткие прозвища. Не продохнуть от лисов, псов и прочего зверья. Но касательно Дата...

иногда казалось, что Дракон – и не прозвище вовсе. Он и есть. А человеческий облик носит для отвода глаз. И всякому известно: с драконом нельзя сосуществовать как с равным. Его нужно убить или изгнать – или поклониться ему. Последнее неприемлемо.

Все решится здесь, на этих землях, где когда-то был вбит крест, обвитый родовой глицинией Фудзивара.

И, в конце концов, что бы там ни было начертано на шлеме, разве это не достойное предназначение для воина – сразить дракона?

При всем том, на заведомо безнадежную битву Наоэ бы не вышел. Даже ради справедливости Уэсуги. Многим в Присолнечной пресловутое письмо-вызов могло показаться проявлением отчаянной храбрости, граничащей с безумием. Однако Наоэ не действовал необдуманно и в восемнадцать лет, сейчас же ему было сорок. Да, он не любил войну и по возможности старался решить дело миром. Но в стране, столетиями живущей войной, избежать столкновений невозможно. За плечами у него было четыре крупных кампании, множество стычек и сражений – и ни одного из них, по большому счету, Наоэ не проиграл.

На самом деле пощечина в лицо Иэясу полетела лишь после того, как они с Кагэкацу многократно просчитали все ходы. Воевать за справедливость – это правильно, но воевать за нее надобно, когда есть шанс победить. И рассмотревши все варианты, они пришли к выводу: возможность не просто есть. Она есть только у них. Они не могут проиграть.

Лучше всего было бы выманить Токугаву на север. Но ловушка оказалось слишком проста для старого барсука, он в нее не попался. Что ж, они это предусмотрели. С узурпатором должен был схватиться Исида Мицунари. И как бы ни желал Наоэ как можно скорее отправиться на юг, сражаться ему предстояло на севере. Только так он окажет наилучшую помощь и правому делу, и своим друзьям Исиде и Санаде. (Вопрос: «дело правое, потому что на его стороне сражаются мои друзья» или «мои друзья сражаются на его стороне, потому что дело правое» – даже не стоял.) Предстояло разобраться со здешними союзниками Токугавы, а из них стоило принимать во внимание Могами и Датэ. В том, что Датэ выступит, сомневаться не приходилось. Не потому что он такой уж друг Иэясу и обручил с его сыном свою малолетнюю дочь. Ему нужен предлог. Вряд ли он забыл, что в юности без труда завоевал Айдзу, и если он не тешит себя мечтами вернуть завоеванное, то расширить земли своего княжества возможности не упустит.

Получалось так, что необходимо было разделить силы. Князь должен прежде всего заботиться о своей земле – значит, ему следует остаться и оборонять ее в случае опасности. Датэ взял замок Курокава, когда ему было немногим более двадцати. С тех пор Гамо Удзиса-то, получивший Айдзу во владение от господина регента, основательно перестроил и укрепил замок. Но и Датэ уже не мальчишка. Нет, оставлять замок и земли Айдзу без армии решительно не годилось. Ничего, у Уэсуги достаточно людей – отлично вооруженных и обученных. Они не зря закупали оружие эти годы, из-за чего Хори и написал свой донос, и не только закупали, но и производили, в том числе и пушки, о чем дураку Хори было неведомо.

Необходимо было нанести упреждающий удар – и это была задача Наоэ. Сложности могли возникнуть, разве что если бы Могами и Датэ объединились. Но объединиться они могли только в случае, если б не были Могами и Датэ. Вражда между кланами длилась без малого столетие. Что важнее, в замке Ямагата, принадлежавшем ее старшему брату Могами Ёсиаки, проживала госпожа Ёси-химэ. Демоница, мать Дракона.

Любой сын, узнав, что его матери угрожает смертельная опасность, поспешил бы матери на помощь. Но опять же – только не этот сын. И не этой матери.

Вышла ли принцесса Ёси, впоследствии прозванная Демоницей из Оу, за Датэ Тэрумунэ исключительно с целью шпионить в пользу своего клана – кто сейчас узнает. Не подлежало сомнению одно: своего старшего сына она ненавидела. Причем с раннего детства, передав попечение о нем семейству Катакура. Каким монстром надо быть, чтоб вызывать подобные чувства

у родной матери, Наоэ не мог даже и представить. Хотя, вероятно, все в этом гнезде рептилий стоили друг друга, как уже доказала история с Мэго-химэ.

Насколько Ёси ненавидела старшего сына, настолько обожала младшего и только его видела во главе клана. Впрочем, пока был жив Тэрумунэ, Демоница еще как-то сдерживала свои порывы. Зато после...

Это случилось, когда Масамунэ должен был отбыть под Одавара к Хидэёси. Как именно произошло, говорили разное: это уже был обычай, передавать и всячески переиначивать страшные рассказы о доме Датэ.

Говорили, будто Ёси своими руками подала сыну отравленное блюдо, но он, почувствовав неладное, успел принять противоядие. Говорили еще, будто случилось это на пиру и отравленное кушанье прежде хозяина успел попробовать кто-то из гостей и тут же пал замертво.

Наоэ не задумывался над тем, какая из версий подлинная. Какой смысл потчевать Дракона ядом? На такую тварь отравы не подействует, и даже противоядия не нужно. Человек бы умер, а этот жив, здоров и вершит суд и расправу. Младшему брату приказано было совершить сэппуку. На родную мать не поднялась рука даже у Датэ, но, когда тот по приказу регента отбыл воевать в Корею, Ёси бежала, опасаясь уже не столько сына, сколько его вассалов, и нашла приют – и полное понимание – у брата Ёсиаки в его княжестве Дэва.

Так что не приходилось ждать, что Одноглазый кинется выручать матушку и дядю. Как и предвидел Наоэ, сидеть на месте он не стал, но действовал, как и ожидалось, исключительно в своих интересах, отхватывая от соседских владений разные куски вроде замка Сироиси. Последнее так воодушевило Могами Ёсиаки, что тот, вообразив, будто Уэсуги сдались не вступая в сражение, послал Кагэкацу письмо, предлагая тому стать вассалом Токугавы, и тем дал князю формальный повод к началу действий. Пятидесятитысячная армия под командованием Наоэ вторглась в Дэва. Люди Могами сражались отважно, но и числом, и умением они уступали войскам Уэсуги, а главное – дело, которое они защищали, было несправедливым. А потому клан Могами терпел одно поражение за другим.

Наоэ, во главе основных сил, приказал окружить замки Хосоя и Ямагата. В последнем и находилась Демоница. До падения замков оставались считанные дни, и Наоэ надеялся, что госпожа Ёси сумеет умереть как подобает. Ему бы не хотелось убивать женщину.

Новости, доходившие с юга, также воодушевляли. Да уж, не Хидэтаде было искать победы там, где когда-то потерпел поражение его отец. Победа Санады под Уэдой в очередной раз доказывала: Уэсуги не ошиблись в расчетах. Они не проиграют. Они не могут проиграть.

Правда, численный перевес Мицунари оказался не таким большим, как предполагалось. Не потому, что Исида собрал недостаточно значительную армию. Но было бы разумно ожидать, что Токугава оставит крупный гарнизон для защиты Эдо, города, который он сделал своей столицей. Но нет. Старый и отяжелевший Иэясу не проявил обычной осторожности. «Как опасался когда-то тайко, – сообщал Мицунари, – барсук расправил крылья и пытается лететь. Но я укорочу эти крылья».

Пока на юге тануки изображал собою летучую тварь, на севере своя тварь сделала неожиданный ход. Смирил ли Могами гордость, запросив помощи у племянника, или тот действовал из каких-то своих соображений – последнее вероятней, но помощь подошла.

Однако и к Наоэ дошли подкрепления – вспомогательная армия под командованием Онодэры Ясимити. Так что полтысячи конников Датэ, как бы отчаянно они ни сражались, ничего изменить не могли.

Подкреплению можно было оставить замок Хосоя. А Наоэ предстояла задача потруднее. И он бы ее уже решил. Если бы не туман. Если бы не проклятый туман, упавший в последние сутки. Осень, что поделать. Конечно, от того тумана есть и польза – можно подойти к Ямагате незаметно. От любых условий погоды может быть выгода, если пользоваться ими с умом. Так учил господин Кэнсин. И они сами научились тому в Этиго, – с его суровыми и долгими

зимами, обильными снегопадами и пронзительными ветрами. Теперь, по прошествии лет, ему казалось, что пусть в Этиго были снегопады, преграждавшие перевалы, отрезавшие врагам путь, однако никогда не было подобного тумана. Хотя туман был, конечно. Он бывает везде. Но худший, чем здесь, Наоэ видел только в Корее. Страна утренней свежести и вечной сырости, будь она неладна. Здесь хворобы из-за дурного климата воинам не грозят, но неудобства в виде отсыревшего пороха он доставить может. Впрочем, это и к врагу также относится, так что нечего сетовать. Плотный, мутный, глушащий все звуки туман позволит приблизиться к Ямагате на расстояние пушечного выстрела, чего прежде не удавалось. А дальше все решится в считанные часы. У Ямагаты крепкие стены, но даже самые лучшие не устоят перед пушечными ударами. Этому он тоже научился в Корее – так что и от того похода была польза.

Выдвинулись быстро, шли, ориентируясь по реке. Без проводников. Каким бы ни был Могами владетелем, люди Уэсуги здесь были чужаками и захватчиками и местным не доверяли. Так даже и лучше. Не стоит опасаться, что тебя заманят в ловушку. Медлить было нельзя и потому, что Дата тоже мог воспользоваться моментом. Кто знает, как туман ударит ему в голову.

Наоэ был готов к тому, что Могами, доведенный до отчаяния, решится на вылазку. Он был готов к тому, что Онодэра застрянет под Хосою и Дата удастся его смести. Не был он готов, как выяснилось, к самому простому.

По его расчетам, они должны были уже достигнуть Ямагаты, но высланные разведчики сообщили, что замка впереди нет. Чудотворцев, а также святых отшельников, способных сделать замок невидимым, во владениях Могами сроду не водилось. Подходило единственное объяснение. Двигая ускоренным маршем, армия прошла мимо Ямагаты, не заметив замка за этой мутной пеленой.

Это было плохо. Это было глупо. Но не безнадежно. Он знал, что на войне далеко не всегда все идет по плану и подобные нелепости в ней случаются чаще, чем героические подвиги. Наоэ приказал стать лагерем – все равно уже темнело, и видимость стала еще хуже, хотя до того казалось, что хуже быть не может. Разослал разведчиков по всем направлениям. И, учитывая обстановку, приказал занять круговую оборону.

Что, по всей вероятности, и спасло людей Уэсуги. По крайней мере, определенную их часть. Потому что среди ночи враги обрушились на них отовсюду. И если б не принятые заранее меры, лагерь бы просто смели.

Это не мог быть только Могами – у него не хватило бы сил, даже при поддержке кавалеристов Датэ. Остальные союзники Токугавы не успели бы подойти, да и не рвались сюда, согласно данным разведки. И это означало одно: с Могами объединились основные силы клана Датэ. Что было невозможно по всем статьям, но явило себя в полной мере. Так мог действовать только Одноглазый – Наоэ достаточно изучил его методы, хотя до этой кампании никогда с ним не сражался. Ставка на мощный огневой удар, потом в дело вступит кавалерия. Уэсуги также имели в достатке аркебузирова и артиллеристов, но сейчас преимущество было за нападавшими. На руку им была не столько неожиданность – возможность нападения Наоэ как раз принимал в расчет, – сколько проклятые тьма и туман и знание местности. Главная задача сейчас была не допустить паники, не дать бою превратиться в бойню. После этого можно будет контратаковать.

Только контратака без сведений о количестве противостоящих войск превратится в ту же бойню. До сих пор за Уэсуги было численное преимущество. Сейчас противник был везде, исчислить его не представлялось возможным. Тьма, озаряемая сполохами огня и вспышками выстрелов, искажала видимость до невероятия. Ясно было лишь, что передовая армия Уэсуги полностью окружена.

Ничего, ночь не бесконечна. С приходом рассвета все может измениться. Одноглазый всегда рвется вперед, забываясь в горячке битвы. До сих пор ему везло, стратег всегда его

прикрывал. Хорошо, что собственный князь Наоэ гораздо разумнее, не рвется сражаться в первых рядах. И сейчас Наоэ может быть за него спокоен, а Катакура не сможет поспеть везде. Дракон еще может быть повержен.

Но утром не изменилось ничего. Стало ясно: произошедшее ночью – не просто налет с целью запугать противника, сбить его с толку. Враги и не подумали отойти, намеренно и плотно берут в клещи. Откуда они выкопали резерв, непонятно, но давать передышку Уэсуги не намерены.

Видимость улучшилась ненамного, но, по крайней мере, стало ясно, что Наоэ не ошибся в своих предположениях. В тумане можно было различить на латниках черные с золотом доспехи, какие носила гвардия Датэ, а над полем – бело-синие знамена клана. Самого Масамунэ по-прежнему не было видно. А Наоэ не мальчишка, чтобы требовать одиночного поединка. Собственно, он и мальчишкой не совершил бы такой глупости. Но намерения Датэ ясны. Змей залег вокруг армии Уэсуги и постепенно сжимает кольца. И будь здесь кто-то другой, раздавил бы.

Только люди у Наоэ опытные, толковые и понимающие дисциплину. Их перемолоть не так-то легко. И командир их не станет идти на бесполезные жертвы. Если чем-то и кем-то жертвовать, то ради того, чтоб выиграть. Насколько это возможно.

Положение тяжелое, но не безнадежное. Насмешка судьбы – то, что вчера в тумане он миновал Ямагату, в результате улучшило позицию Уэсуги. Будь они под стенами замка, их бы к этим стенам замка и приперли, захлопнув ловушку. Теперь они тоже в ловушке. Но в такой, из которой можно вырваться. Это ночью могло показаться, что силы противника неисчислимы. Глупость. Наоэ изучил численность войск Датэ. Начал приглядываться к ним еще при покойном тайко, а в этом году особенно. Он, разумеется, понимал, что Датэ скрывает определенное количество людей от переписи – мало кто решился бы играть с тайко в настолько опасную игру, но Одноглазый как раз из таких. Но сколько бы ему ни удалось утаить, его армия все равно уступает численностью армии Уэсуги. Даже если он бросил сюда все свои силы.

А все ли они здесь? Что заставило Дракона внезапно изменить стратегию, которой он был верен с начала лета?

Что-то случилось. Нечто важное, о чем Наоэ, занятый марш-броском на Ямагату, узнать еще не успел. Поэтому его и стремятся здесь отрезать.

Нужно прорываться – не для того, чтоб убить Дракона, а чтобы вернуться в Айдзу. Там он сможет перегруппировать силы. Часть войск Датэ, возможно, уже вторглась туда, и надо защищать свою землю и подданных княжества.

Нужно форсировать реку, это единственный выход. Пушки придется бросить. Это плохо, но зато он сохранит людей, а пушки – дело наживное.

И снова туман, туман кровавый, застилающий ум... и голос Маэды Кейдзиро, перекрывающий грохот выстрелов: «Отходите, я прикрою!» Маэда – огромного роста, как его дядя, но в плечах еще шире, верхом на коне, с двумя копьями в руках, это ему подобает быть героем сказаний о воинах и чудовищах, но у нас тут не сказание, и, каким бы искусным бойцом ни был Кейдзиро, нельзя терять самообладание, и нужно, нужно помнить: то что могло нас погубить, может нас спасти. Туман. Туман.

С самого начала князю не нравился этот замок. Конечно, заложен он был давно и тем достоин уважения, но то, как он выглядел теперь, было заслугой Гамо Удзисато. Твердо веривший, что за пределами Камигаты жизни нет, прежний правитель Айдзу считал, что раз уж ему выпало коротать остаток жизни в богами забытой провинции, то он обустроит Цуругу так, что ему позавидуют и в столице. Такое чувство, что он состязался с покойным тайко в стремлении строить огромные и мощные замки. А заразил их этой манией Ода Нобунага. Нет слов, Касугама, резиденция даймё Этиго – тоже большой и хорошо укрепленный замок. Кагэкацу ли

не знать – он начинал свое правление с того, что держал там оборону от сводного брата. Но замок в Этиго – совсем другое дело. Может, Кагэкацу лишь кажется, что он воплощает в себе воинский дух и тонкий вкус, главное – за много лет он успел стать родным домом. Этот – не успел. А в Этиго горы... и от моря Цуруга тоже далеко. Лучше не вспоминать.

Впрочем, нужно отдать Гамо должное: его стараниями замок можно было оборонять долго и против превосходящих сил. Но и Кагэкацу, и Наоэ надеялись, что делать этого не придется. Военные действия должны разыгрываться на чужой земле, не на своей.

Десять лет, с тех пор как Кагэкацу ради блага клана склонился перед господином регентом, так оно и было. И теперь должно быть так же. Земля, правда, уже другая, но это неважно. Так решили князь и его стратег.

Когда Кагэкацу получил известия от произошедшем при Сэкигахаре, стратега рядом не было. И никто бы не прочел по лицу князя, ликует ли он из-за гибели врага или огорчается поражению союзника. Такой уж он человек: никогда не поймешь, о чем он думает. А думать было надо – и быстро.

В первую очередь, надо было сообщить о случившемся Наоэ – и в Дэва поскакал гонец со срочным известием. А дальше... у противника тоже есть свои союзники, которые пошлют ему вести.

И, по здравом размышлении, чем раньше он узнает эти вести, тем лучше.

Потому что Кагэкацу никогда не обманывался насчет Одноглазого. Собственно, и Наоэ не обманывался, но тому мешала личная неприязнь, которая туманит и самые ясные умы. Даймё Уэсуги чувства глаза не застили; и он прекрасно видел, что все это буйство, игра горячей крови и прочие драконьи выходки – лишь часть сложной многоходовой игры. Горячая кровь, говорите? Она холоднее, чем ледяная вода в горных реках Этиго. Трудно найти более рассудочного человека, чем Масамунэ. Кагэкацу и Наоэ просчитывают все ходы заранее, но горе тому человеку, который решит, будто Датэ действует в безрассудной горячке. Дракон отлично знает, как выбрать момент, когда лучше прыгнуть с небес, а когда выждать. Разница в том, что Уэсуги действуют во имя справедливости, а Датэ – во имя выгоды. Даже странно, что они не начертали это слово на знамени, как Уэсуги – «справедливость» на своем. А сейчас Датэ со своими советниками просчитают, и не по одному разу, что им выгоднее прежде всего. А выгодно им продолжение смуты. При таком раскладе они сумеют поглотить на севере как можно больше земель, людей, ресурсов и лишь потом обратят взгляды на юг. И в зависимости от того, кто в той смуте возьмет верх, продолжат свою операцию по поглощению или будут торговаться с победителем. Исходя из этого, для Уэсуги лучше всего, не дожидаясь подобного развития событий, положить конец войне. Более того, теперь они могут сделать то, чего не позволили себе в начале войны – двинуть свои силы на юг. Если они временно оставят Дата доедать север, конечная победа весьма вероятна. Исида, возможно, жив, и армия Мори цела. Правда, воевать Мори не рвался, но теперь, когда у противника в лагере разброд, – а там наверняка разброд – он, скорее всего, изменит свои намерения. Если же нет – придется его подтолкнуть. И объяснить наглядно, что это действительно вопрос жизни и смерти – не только для их кланов, но и для Присолнечной в целом.

Итак, пусть Датэ и его родня увязнут на севере. Пусть думают, что получили перевес. Войска надобно выводить из Дэва, независимо от того, разгромлен уже Могами или нет. Наоэ, возможно, это не понравится, но в конечном счете он одобрит такое решение – в этом Кагэкацу не сомневался. Он был уверен, что посчитал правильно.

Пока не почувствовал, что все идет не так. Не сразу почувствовал. Наоэ не отозвался: ну что ж, война есть война, гонцов могли перехватить или просто убить. Придется послать еще.

А потом силы Датэ ушли в бросок на юг. Нет, не все, только самые отборные части, но Уэсуги не смогли преградить им путь. И не только потому, что люди Датэ были столь уж

хороши, а потому что никто не ждал, что они выберут это направление. Это беспокоило. Но тогда он не знал, кто возглавляет эти силы. Тогда не знал.

Понял лишь тогда, когда вернулся второй гонец и, пав на колени, сказал, что готов принять любое наказание, ибо не исполнил приказ его светлости. Он не смог пробиться к господину советнику. Того прижали к Курокаве, к Черной реке. Он пытается отойти к границе, но объединенные войска Датэ и Могами взяли его в клещи...

Вот тогда Кагэкацу сложил все – и понял, что все просчитанные ходы не имеют смысла. Доску для игры сбросили со стола. Это Уэсуги придется застрять на севере – в лучшем случае. Если они хотят сохранить свои земли и своих подданных. И есть только один человек, который мог это придумать.

Да, уже десять лет князь оставался в тылу, а Наоэ шел вперед. Но решения всегда принимал Кагэкацу. И теперь оно было таким – поднять все оставшиеся в Айдзу войска, но не двигаться на юг, потому что этого наверняка ждут. Бросить к границе, чтобы проложить коридор тем, кто попал в окружение. И он возглавит этот бросок.

Этот чудовищный туман развеялся к тому времени, когда они встретились, а войска воссоединились. То есть туман держался, но это была обычная осенняя дымка, а не плотное покрывало, способное скрыть и мощный замок, и тысячи людей. Знаменитого шлема с девизом на Наоэ не было, голова обвязана, доспех разрублен. Но он был жив – и на ногах. Впрочем, он сделал попытку опуститься на колени. Предупреждая ритуальное «я подвел вашу светлость» и прочее, Кагэкацу сказал:

– Ты сохранил людей. Это главное. Кроме того, – добавил он, – клан Уэсуги не может позволить себе остаться без старшего советника.

– Все равно. Это моя вина. – Наоэ криво усмехнулся, что было совсем не похоже на обычную его солнечную улыбку. – Не стоило мне разыгрывать из себя Сусаноо⁵, убивающего восьмиглавого змея. Не мое это дело.

– Я всегда считал, что Сусаноо – та еще сволочь. – И это тоже совсем не похоже на князя Уэсуги: он всегда слыл исключительно благочестивым человеком.

Позже, на привале, он расскажет Наоэ то, о чем и сам догадался за время, пока того держали в тисках.

Старший советник морщится от боли – и душевной, и физической. На повязке, стягивающей рану, проступает свежее пятно крови.

– Я всегда считал, что они не могут поступать так, как мы. Не имеют права. – И Кагэкацу ясно, кого тот имеет в виду.

– Я тоже не допускал этой мысли. Если б допустил, может, сумел бы предвидеть действия Датэ.

Дальше они молчат. Они не должны были проиграть. Они не могли проиграть. Но они проиграли. Как бы ни повернулись события на юге.

Собственно, Наоэ потерпел поражение тринадцать лет назад, когда поверил в историю про воина и дракона.

⁵ Бог ветра в японской мифологии. (Примеч. ред.)

5. Слово в строке

1600 год, осень

Монахиня в скромной накидке и сером шелковом головном платке идет-семенит за фрейлиной по темному коридору столичной усадьбы. Она смотрит то на черные – черней масляных чернил – волосы придворной дамы впереди, то на нежный, переливчатый, как озерная вода, рисунок ее верхнего платья, то на лучи света из редких окон, то на неподвижных часовых в нишах. Идет, вспоминает.

1590 год, лето

Пол, конечно, тогда был совсем другим. Тоже деревянным, но протертым, промятым – откуда взяться блеску в старом деревенском жилье, обители какого-то местного «земляного» самурая, да и не все любят блеск... Коричнево-сероватым был пол веранды, а охраны вокруг – много. Неприлично много – на одного человека с очень маленькой свитой. Потом посмотрела, поняла, что великий господин регент так вежливость проявлял – и был, кстати, понят правильно. Если бы гость – или пленник – или подследственный – вдруг захотел покинуть этот дом против воли хозяина, первый круг охраны лег бы. И, возможно, второй. Четвертый и пятый были уже чистой воды комплиментом. Но три слоя – необходимостью.

Монахиня убеждается, что все поняла правильно, когда видит того, к кому пришла, – почти не заставил ждать, очень вежливо приветствовал... Чуть выше ростом, чем она думала, чуть тоньше в кости, похож на сверчка или на цикаду: те же движения, гармоничные для насекомого, не очень подходящие для человека. Сразу как-то делались понятны те пересказы со смешком: «И тут авангард опять его потерял и только на той стороне вражеского строя нашел».

Многое другое тоже проясняется. Этот молодой богомол в омерзительно пестрых тряпках – проще не видеть, не запоминать, слишком сталкиваются цвета, отвлекают, наверняка это нарочно. Долго подбирал... Он старомодно вежлив с ней, не потому что знает, кто она, – а он знает, – а потому что она старше и служит Будде... Это на поверхности. Под поверхность – маслянистая черная вода. Кажется, она пришла куда нужно.

За двумя рядами холмов к югу отсюда – лагерь армии регента и замок Одавара, взятый этой армией в осаду. Замок, которому в ближайший месяц предстоит пасть, – и тогда страна станет единой, впервые за поколения. А здесь тихо. Деревушка будто выпала из войны, из времени. Пузырь – и они в пузыре.

Они обмениваются пустяками. Монахиня просит написать ей стихотворение – ей рассказали, что гость пишет чудесные стихи в китайском стиле, а эта осада так тягостна... Гость-пленник-подследственный серьезно кивает, закрывает единственный глаз. Монахиня ждет, смотрит, как он дышит, вернее, как почти не дышит. Думает – в семнадцать это, наверное, выглядело еще страшнее, сейчас ему двадцать три, а к тридцати, если он доживет, все начнут привыкать.

Потом он в два движения открывает глаз и плоским бесцветным голосом читает сложный четырехстрочник про корни гор и корни морей, про покой, на котором стоит любое строение – и любая буря. Да, конечно, он знает, кто она. Скромная служанка Будды, дама Кодзосю, советница регента, женщина, которая выносит за ним меч на праздновании Нового года... Аллюзии и цитаты в три слоя придется еще разбирать, но стихотворение запоминается с одного раза.

– Ничтожная хотела бы отплатить за щедрый дар историей, – кланяется монахиня. Дождается кивка. Все-таки, кем бы она ни была в непридворной иерархии Присолнечной (а место ее не ниже пятнадцатого и не выше, вероятно, девятого), но перед ней – князь, потомок беско-

нечно старого рода, человек, правящий собственной властью. Последний из великих владельцев и великих генералов, кто еще не склонил головы перед регентом. И самый молодой. Позволят ли ему склонить голову – или позднее явление в ставку регента обойдется ему в жизнь, а его северу – в войну на уничтожение, решается сейчас. – Я прочла ее в одном китайском трактате, там ее приводили в качестве примера. Это рассказ о том, как монголы приручают больших орлов, с которыми охотятся. Вам это может быть интересно, ведь север славится ловчей птицей...

Кивок, благодарность.

– Монголы не начинают с детства. Они ловят взрослых орлов – молодых или подростков. Надевают на глаза колпачок, спутывают лапы и сажают птицу на веревку... на провисающую веревку, понимаете? Орлы – тяжелые птицы и привыкли чувствовать под лапами твердую опору. А ее нет. И каждый, кто входит в помещение или проходит мимо, обязательно дергает веревку, чтобы орел все время терял равновесие. Когда кажется, что птица обессилела и сейчас упадет и повиснет, ей подставляют перчатку. Твердую, коробчатую кожаную перчатку. И снимают колпачок. Кормят мясом. Говорят ласковые слова. Гладят, чистят. А потом сажают обратно. И так, пока орел не привыкнет, что единственным по-настоящему надежным местом на свете является перчатка, а единственным подателем еды – хозяин. Есть птицы, которые от такого умирают. Но с большей частью это вопрос времени.

– Не знал, – улыбается князь. – Мы их растим совсем иначе. Конечно, нет смысла такое делать с человеком. – Он чуть наклоняется вперед. – Люди подвластны страху и благодарности. Но с человеком, который живет как тигр и волк и благодарности не знает... что ж, можно использовать и этот способ. Тем более что ему затруднительно противостоять, даже понимая, что происходит.

Да, Иэясу-доно прав, думает монахиня. Тысячу раз прав. Выбрасывать такого человека – преступная глупость. Он еще молод – тот же Иэясу-доно на его месте не показал бы мне, сколько понял, но он умен: разгадал, к чему притча, осознал, что опасность настоящая, не отменил – по глупости или гордыне и не стал искать быстрый и острый ответ сейчас. Отложил на потом, на обдумывание. И не оскорбился – даже, кажется, забыл, что должен был. Впрочем, может быть, мне он показывает другую маску, не ту, что официальной комиссии. Но все-таки полагает, что разговаривает отчасти с господином регентом.

– В таких притчах каждый находит свое, – соглашается монахиня, – тем они и хороши. Интересно также смотреть, как они устроены. Эту вы наверняка знаете – про правителя, который пообещал за волшебную вещь «все, что пожелаешь», и, конечно, не сдержал слова. Тут начинают случаться страшные чудеса, царство может погибнуть, а может спастись... Мне всегда хотелось знать, почему во всех этих историях, где бы они ни записаны, правитель непременно отказывается дать обещанное. А недавно я поняла: если он поступит иначе, не будет истории. Четыре года назад, а потом еще раз, год назад, один молодой правитель пообещал неким людям, которые могли помочь ему в важных делах, отомстить, справиться с превосходящим врагом, взять под руку огромные земли – пообещал им все, что они пожелают. Оба запросили много, не оскорбительно много, но достаточно, чтобы начать сказку. Но они получили все, что просили, до капли. Один потом погиб в сражении, второй жив, их дома и семьи благополучны. И никто не рассказывает об этом историй – нечего рассказывать.

Мальчик на возвышении пожимает плечами. Конечно, ему не нравится эта притча. Пусть пьет – сам налил. Смешной мальчик думает, что непроницаем, что отгородился от внимательных глаз пестрой одежкой, страшными слухами, выходками, достойными покойного князя Оды. Смешной. Приехал в лагерь господина регента один и решил, что никто не заметит, что в этом было кое-что еще – кроме отваги, смертной решимости и точного расчета. Владыки любят брать с собой в смерть свиту. Ты не хотел брать никого, и у тебя почти получилось это спрятать.

– Почему же? – так же без выражения говорит мальчик. – Это тоже история, достопо-
чтенная госпожа Кодзосю. Сказки о том, как не погибают царства, интересней прочих. Увы,
чаще всего их пищут ханьцы, не касаясь таких низменных вещей, как действительность. Но я
отступил от заданной темы. Какое «все» может быть нужно вам от меня?

Совершенно несмешной мальчик. Совершенно несмешной никакой не мальчик. Слова
легко перевести: какое «все» может быть нужно даме Кодзосю, советнице, от Датэ Масамунэ,
полумертвеца сейчас и с вероятностью мертвеца в ближайшем будущем? Это не я вам делаю
предложение, а вы мне – так что говорите. Я выслушаю. Больше – не обещаю.

Большинство в его положении склонно хвататься за соломинку. Или за провисающую
веревку. Человек, только что посвятивший ей хорошее китайское стихотворение, улыбается
половиной рта и не торопится протягивать когтистую лапу.

Монахиня касается лбом пола. Распрямляется с шорохом.

– Я помогла бы вашей светлости в любом случае, но если вы пообещаете мне мое «все»
и ваша судьба не исчерпается здесь и сейчас – вы станете получать от меня письма.

Не «вы будете знать все, что знаю я» – это слишком высокая цена даже за «все», но «вы
будете знать то, что касается вас, и то, что я сочту нужным». Может быть, скромное предло-
жение, но исходит оно от советницы регента и секретаря его жены...

– Если моя судьба не исчерпается здесь и сейчас... – Ему явно понравилось выражение,
он катает его на языке.

– Вы будете защищать мою госпожу.

– Госпожу северного финансового ведомства? – тут удивления еще больше. Дама Код-
зосю занимает высокое место в советах Присолнечной, решает многое, держит ниточки к боль-
шему, но госпожа О-Нэ... Госпожа О-Нэ, супруга великого господина регента, Кита-но-Ман-
докоро, северное финансовое ведомство в иерархии императорского двора, представительница
мужа в государственных делах и сама по себе «большое имя». Какая защита может потребо-
ваться ей, если муж доверяет ей полностью и в политике ставит выше самых важных вассалов
и союзников, несмотря на то что драгоценного наследника ему родила другая?

Богомол качает головой, гладит рукоять короткого меча как животное, как кошку. Потом
поднимает ладонь, не давая монахине начать говорить, объяснять...

– Простите, что не понял вас сразу, госпожа Кодзосю. Хорошо. Я согласен.

Встает, в четыре шага подходит к ней, приседает рядом.

– Вы ведете переписку обоих, не так ли?

Монахиня кивает. Умному человеку легко догадаться. Госпожа О-Нэ не предавала мужа
и не предаст... обратного сказать с уверенностью нельзя. Ей понадобятся союзники, а еще ей
очень понадобятся люди, про которых можно будет говорить, что она имеет на них влияние.
И это должно быть правдой. Госпоже О-Нэ нужна прямая власть, не идущая от господина
регента, – иначе в самом лучшем случае она не переживет мужа больше чем на день-другой. В
худшем все произойдет гораздо раньше. И ей нужны якоря в будущем, среди людей, которые
станут вассалами, союзниками... или даже врагами не-ее-сына.

– Великая госпожа помогла мне... – «уйти от мира» и неточность, и неправда, – ...выйти
в мир.

А иначе быть бы девочке из рода Кавагоэ чьей-то женой, чьей-то матерью. Хорошо, если
женой достойного человека, хозяйкой замка, хорошо, если матерью выживших сыновей. Но,
так или иначе, не летать в облаках цифр, не смотреть на страну сверху, не читать китайских
книг и военных отчетов – и не писать их, не управлять землями, не участвовать в составлении
законов, не служить посредницей, не предотвращать войны и не помогать строить успешные
кампании. Не смотреть на двухсоттысячное войско, которому уже нет нужды грабить округу –
потому что пять лет назад тебе в голову пришла хорошая мысль. Не благодарить богов и будд
ежедневно за вмятину на указательном пальце, за привычку вбирать взглядом строку целиком,

за умение держаться в седле, хруст в поясице, за госпожу О-Нэ, некогда сказавшую – отпустите... Люди воинского рода служат не в надежде на будущую награду, а в благодарность за то, что было дано. Ей было.

– Вот как. – Князь кивает чему-то своему. – Да, это причина. Хотите, я тоже дам вам причину? Вам ведь нравятся стихи? Это как строить мост, как брать крепость, как собирать страну – как решать, какую страну... да? Ну вот. Я буду писать вам стихи – все то время, что нам по дороге.

Монахиня снова кланяется в пол, а потом смеется, соглашаясь.

Два стихотворения она унесет с собой из пузыря. Первое – китайское – будет читать всем. Второе просто запомнит – короткое, простенькое японское трехстрочие:

*Слово в строке,
Поставить его —
Дело на долгую жизнь.*

Монахиня никуда его не запишет, но подумает, что, если бы не встретила госпожу О-Нэ – давно и накрепко, – непременно взяла бы то, что ей предложили в тот день. Дело на долгую жизнь.

1600 год, осень

Фрейлина впереди полуборачивается, блеснув широким шрамом на виске, белым на белом – содрало кожу шлемом где-то там за морем, под крепостью Ульсан, там, где ее взяли в плен. Удачное падение, удачный шрам – если бы не он, красота девочки была бы совершенной, многие увидели бы в ней соперницу и уж точно никто не позволил бы ей выйти замуж по любви. Впрочем, нет. Мэго-химэ, принцесса Любовь, позволила бы все равно. Она такая – жена Дракона, мать его детей. А фрейлина Ямаока, кореянка, военнопленная, очень хорошо помнит, кто бросил ее отряд на гибель, кто не пришел на помощь, кто не стал выкупать «девчонку», а кто сохранил ей все, кроме свободы, да и свободу потом вернул тоже. И оружие. И право выбирать. Она и выбрала – место за левым плечом принцессы, в жизни и в смерти.

– Сегодня хорошая погода, не правда ли? – говорит монахиня. – Удивительно приятный шум дождя.

– О да, – наклоняет голову фрейлина Ямаока, – совершенно чудесная погода, все просто пропахло водой. В такие дни, сколько нас ни поджигай, не загорится.

Вы ошибаетесь, думает монахиня. Загорится. От того, что я несу вашей госпоже, загорится что угодно. В какой угодно ливень. Я обещала, что вы будете знать. Вы будете знать.

Из-за дождя сквозняк проникает даже во внутренние покои, и огонек светильника колеблется. Тени пляшут на ширмах. Женщина, сидящая у светильника, не смотрит ни на огонь, ни на тени.

– Идиоты, – цедит она сквозь зубы, – полные придурки.

Если кто-то из слуг или домочадцев слышит эти неподобающие благородной даме слова, то не обращает внимания. Привыкли. Она и покрепче может выразиться. Знают домочадцы также, что слова эти адресованы не им.

Женщина очень красива. Даже сейчас, когда выглядит не лучшим образом – она бледна, вокруг глаз синева, на висках испарина. Вот только сравнивать ее с цветком, как принято, не хочется. Разве что цветы бывают стальные.

Она не набелена и не накрашена. К чему эти ухищрения – она у себя дома.

Дом велик, и людей в нем много – родня, свойственники, воины, прислуга. Еще больше людей, если считать тех, кто поселился поблизости, кто отгородился от столицы собственной каменной стеной.

Господин тайко желал иметь в столице как можно больше заложников, в особенности заложников с севера. Вот и получил. Целый квартал, город в городе.

Если тронуть их, попытаться выковырять из-под панциря – никому мало не покажется. Покойный тайко это учитывал – и не только потому, что слышал, чем заканчиваются сказки о войнах обезьяны с крабом. Те, кто наследовал ему, могут не учесть. Об этом и думает женщина, сидящая у светильника. Кому как не ей об этом думать.

Мэго-химэ, принцесса клана Тамура, была отдана в клан Датэ двадцать лет назад, когда ей исполнилось двенадцать. Не самый ранний возраст. Ее собственная дочь, первенец, сговоренная за младшего из сыновей Иэясу, отправилась в клан Токугава, когда ей исполнилось пять. Впрочем, оно и к лучшему, что Ирохи сейчас здесь нет.

Ироха, как известно, имя мужское. Когда госпожа впервые готовилась рожать, все, разумеется, ждали появления наследника, вот и приготовили имя заранее. Но родилась девочка. А господин князь высказался в том смысле, что мальчик, девочка, какая, к каппе, разница – как решили, так и назовем. Эту историю передают в столице как очередную байку об «этих сумасшедших Датэ». Сама госпожа воспринимает ее как нечто естественное. Она многому научилась за эти двадцать лет – и обыкновения клана усвоила вполне. Это здешние могут ронять челюсти, когда женщина занимает место в государственном совете, решает политические и финансовые вопросы открыто, а не из-за ширмы, как это делается в приличном обществе. Научилась и заставила принимать окружающих. А что выражается порой с солдатской прямо-той – так могут быть у благородной дамы маленькие слабости?

Во всем прочем она сейчас допускать слабостей не может. Потому что заложники Датэ и их союзники в столице – в самой сложной ситуации за эти десять лет.

Все уже знают, что произошло после битвы при Сэкигахаре. Все понимают, что в действительности еще ничего не решено. Мори Тэрумото, официальный командующий Западной коалиции, не вступая в сражение, отвел свои войска к столице. Можно спорить, что это было – предательство по отношению к Исиде Мицунари или мудрый тактический ход. Итог один: Мори здесь, в столице, и войска его в целости, а что творится в лагере Восточной коалиции, Мэго-химэ может только предполагать. С большой долей достоверности, но лишь предполагать.

Действия тех, кто засел сейчас в Осацком замке, также в области предположений. И хотя цитадель гораздо ближе к полю боя – башни из окна видны, предугадать труднее, ибо с логикой тамошние насельники не дружат. Если б в замок вернулся Исиды Мицунари, положение сделалось бы куда более опасным, но по крайней мере осмысленным, открытым предвидению и игре. Но об Исиде ничего не слышно, неизвестно даже, жив ли он.

В замке люди разные, очень разные. По сведениям, даже кое-кто из заложников подтянулся, чтоб доказать свою верность дому Тоётоми. Но в отсутствие Исиды претендовать на единоличные решения будет мать наследника, госпожа Ёдогими. Ее-то в первую очередь Мэго-химэ и поминает. Тоже в мужском роде. Потому что так грубее.

Когда ей сообщают, что общества госпожи ищет дама Кодзосю, Мэго-химэ немедленно велит провести гостью к себе. Они давно не виделись, кажется, с тех пор, как дама Кодзосю переехала вместе с госпожой Кита-но-Мандокоро в храм Санбондзи. После смерти тайко его вдова жила там под защитой брата, Киноситы Иэсады. И если сейчас пришла ее доверенная дама, на то есть важная причина. Очень важная.

Монахиня привычно кланяется, принцесса столь же привычно произносит слова приветствия. Дама Ямаока занимает место у входа. Просто так, на всякий случай.

Они знакомы уже полных десять лет. После приезда принцессы в столицу дама Кодзосю взяла ее под опеку и выручала в нескольких случаях, когда природная вспыльчивость ставила Мэго-химэ на край пропасти. Тогда принцесса думала: просто старшая женщина берет под крыло молодую, так водится, и, вероятно, госпожа ее велела так сделать. Просто для того,

чтоб Мэго-химэ своим лексиконом не доводила регента до удара. Только позже Мэго-химэ стало известно, какие у дамы Кодзосю дела с ее мужем. Впрочем, всех агентов князя Датэ в столице она не знает до сих пор, всех знает только сам князь. И еще, может быть, Катакура. И что за печаль? За эти годы она обзавелась своей агентурой. И способна сама пройти по краю пропасти, без того, чтоб ее хватили за край шлейфа.

– Вы получали известия от своего супруга, химэ-сама? – спрашивает монахиня после краткого обмена любезностями.

– Да, после того, когда он отбыл на юг. Сейчас он, должно быть, уже соединился с войсками Восточной коалиции.

Они обмениваются взглядами, в которых читается: но с тех пор могло произойти все, что угодно, слишком быстро все меняется сейчас. Если бы был жив Иэясу-доно, госпожа Кита знала бы все досконально... собственно, если бы был жив Иэясу-доно, и беспокоиться было бы не о чем. А господин Хидэтада не удосужился поставить вдову регента в известность о происходящем. Или ему просто не до того.

– Она может предпринять... необдуманные шаги, – говорит дама Кодзосю, не называя Ёдо по имени. Не добавляет она и того, что заложники в опасности – это принцесса понимает и сама. Монахине важнее то, что идет дальше. – Но что бы она ни думала о своей значимости, все зависит от Мори Тэрумото.

– И от его готовности сражаться, – откликается Мэго-химэ.

– За дом Тоётоми. – Темные глаза монахини непроницаемы. Собственно, вся эта война была затеяна в защиту дома Тоётоми, причем обе стороны настаивали, что выступают за права малолетнего Хидэёри и против узурпаторов. Неважно, сколько генералов действительно радело за Хидэёри, возможно, только Исида, но официальная причина была именно такова, и кто бы решился напрямую возразить? Так что принцессе не очень ясно, зачем понадобилось это уточнение, но она не задает вопроса – ждет.

– Есть некое письмо, – продолжает дама Кодзосю. – Оно было адресовано моей госпоже, и никто, кроме нее и меня, не знает о нем. Семь лет я молчала, и, если бы события развивались по-иному, молчала бы до самой смерти. Но сейчас, когда может вернуться эпоха войн, я решилась пойти на преступление. Я похитила письмо у госпожи. Взгляните на него и скажите: способно ли оно остановить войну?

Она вынимает письмо, спрятанное на груди, и протягивает принцессе. Первое, что видит Мэго-химэ, – хорошо знакомые ей подпись и почерк Тоётоми Хидэёси.

Она читает долго, хотя письмо невелико. Но Мэго-химэ вдумывается в каждую строчку, в каждое слово. Когда она вновь поднимает глаза, на лице у нее кривая, совсем не женская усмешка.

– Значит, похитили письмо, говорите?

Монахиня не отводит взгляда.

– Да, и если будет разбирательство, госпожа клятвенно подтвердит, что письмо было украдено. Равно как и его подлинность.

– О, если дойдет до разбирательства, у Мори пропадет желание отстаивать честь дома Тоётоми. И у многих других.

Даже если бы письмо было поддельным, думает Мэго. Нужен лишь повод. Но подлинное – лучше.

– Однако для этого нужно, чтоб разбирательство это состоялось.

– Поэтому я и пришла к вам. Не в моей нынче власти и не в моих силах дать ему ход.

– И не в моих. Но что, если переслать этот документ моему супругу?

– Вы полагаете, Масамунэ-сама распорядится им... правильно?

– Да. Если ему небо не упадет на голову. Последнее возможно, но крайне редко случается.

Дама Ямаока почти не прислушивается к разговору. Тем более что он касается каких-то дел семилетней давности, когда она еще жила в Корее. Фрейлина прислушивается к тому, что снаружи, и, заслышав в коридоре шаги, привычно тянется к рукояти короткого меча, спрятанного под накидкой. Потом убирает руку. Мужской голос окликает кого-то, и она узнает его – ей ли не узнать?

Тот человек, который некогда выбил ее из седла – и сохранил жизнь, считая еще, что имеет дело с мальчиком. И сохранил еще раз, когда понял, что ошибся. И выходил, когда его господин сказал: «Взято с бою с оружием, значит, пленный. Взято тобой – значит, твой».

Господин Ямаока Сима. Один из наследственных вассалов князей Дата. Связи между господином и вассалом установлены небом, они прочнее семейных уз. Это всякому известно, но регенту было на это наплевать. Он никогда не стеснялся разрушать такие связи, если мог извлечь выгоду. И полагал, что потом эти же люди будут верно служить ему самому. Надо отдать ему должное: в половине случаев тайко оказывался прав. Но была и другая половина.

С Ямаокой он проделал тот же трюк, что с Наоэ Канэцугу, Катакурой Кагецуна и некоторыми другими. Предложил владения, доход, даровал имя. В отличие от Наоэ и Катакуры, Ямаока дары принял. А толку-то? При Хидэёси стало больше на одного человека Датэ.

Господин Ямаока заметно старше своей юной жены, высок, широкоплеч, с резким лицом истинного воина, открытым, несколько даже простодушным. Можно лишь посочувствовать тому, кто в это простодушие поверит.

Вместе с ним – девятилетний мальчик. Ибо госпоже принцессе пристало принимать такого гостя в присутствии родственника-мужчины. Мальчик – да, родственник. Пасынок, Хидэмунэ. Тоже заложник, с малолетства отправлен в Киото вместе с матерью. На самом деле соблюдение этикета его вряд ли волнует. Он хочет узнать свежие вести. Вести о войне. Пусть слушает, в клане Датэ взрослеют рано.

Предписанные этикетом приветствия сведены до поклона. Ямаока и впрямь спешит.

– Химэ-сама, я получил вести от нашего человека в цитадели. Мори Тэрумото разделил свои войска. Лишь половина его людей заняла позиции в замке, остальные встали лагерем. И сам Мори еще не счел нужным засвидетельствовать свое почтение госпоже Ёдо – хотя известно, что она настоятельно ищет встречи с ним.

Что это значит? Разное может значить. Например, Мори затеял свою игру. Особенно теперь, когда на него не давит Исида. Или – что он вовсе не намерен держать осаду в замке.

Но будь дело только в этом, Ямаока Сима не стал бы спешить.

– Ёдогими в ярости. Она и прежде говорила, что Исида поступил глупо, не загнав всех заложников в замок перед тем, как выступить. А теперь она хочет вынудить к этому Мори. Благо теперь в ее распоряжении достаточно воинов, чтоб заставить всех подчиниться приказу. Так мне сообщили.

– Вы полагаете, Ямаока-доно, что они постараются принудить нас силой?

– Это вполне вероятно.

От той Мэго-химэ, что знают окружающие, вполне ожидаемо, что при таком известии она начнет ругаться, как носильщик. Но она молчит. Потому что она уже думала об этом и высказалась заранее. Зато в разговор вступает юный Хидэмунэ.

– Мы не допустим бесчестия! Будем сражаться! Погибнем, но не допустим бесчестия!

Наслушался историй, что его отец водил в бой войска клана с 14 лет. Наверняка мечтает превзойти.

– Не допустим, – соглашается Мэго-химэ. – Но не так, как ты думаешь, Хидэмунэ. Мы должны не погибнуть, а победить. А победа для нас – продержаться до подхода наших сил. – Она вновь оборачивается к Ямаоке. – Есть важный документ, который необходимо как можно быстрее доставить моему супругу. В другое время я выехала бы сама, но сейчас... – При дви-

жении верхнее кимоно из плотного шелка распахивается, и видно, что оно скрывало. Принцесса беременна на последнем сроке.

– Прикажите мне...

– Нет, Ямаока-доно, вы нужны здесь. Если люди Мори или других генералов, что пока верны Хидэёри, решатся напасть, необходимо организовать оборону. Организовать так, чтобы купить нам как можно больше времени. В северном квартале немало отважных людей, но, если они погибнут без смысла, пользы клану не будет. – Мэго-химэ неплохо владеет оружием и никогда с ним не расстается, но свои способности как командующего она оценивает трезво. – Нужно также найти верного человека, который сумел бы выбраться из города, несмотря на оцепление. Возможно, следует посоветоваться с господином Хасеку рой.

Хасекура Рокуэмон – также наследственный вассал Датэ, назначенный ведать безопасностью северного квартала.

Ямаока ничего не сказал про оцепление – но даже мальчику Хидэмунэ понятно, что оно вокруг квартала есть.

– Никого не надо искать. – Фрейлина, до сих пор молчавшая, наконец подает голос. Эту часть разговора она слушала внимательно. Ибо она касается прямых обязанностей дамы Ямаока. Того, что она считает своими обязанностями. – Я доставлю.

Дама Ямаока не добавляет «если смогу», дама Ямаока полагает, что сможет.

Принцесса отвечает не сразу. Не потому, что она сомневается в воинских умениях своей приближенной. Но, хоть узы между господами и вассалами прочнее семейных, она не даст приказа без согласия господина Ямаоки.

– Вспомним молодость, – говорит он, улыбаясь, и жена, которой от роду едва ли больше двадцати, кивает. – Я дам двоих в сопровождение. Дал бы больше – но лучше рисковать потом, в поле, чем вступать в бой слишком рано.

За стеной ждет развернутый веер опасностей, и они не сводятся к войне и политике. Осколки армий, разбойники, окончательно сошедшая с ума погода. Три человека – это мало. Но для того, чтобы выбраться из города, три человека – это почти много.

– Так тому и быть, – произносит Мэго-химэ.

То, что ждет за стеной – в сравнение не идет с тошнотворной каруселью войны на материке, каруселью, в которой дама Ямаока некогда прожила полтора года. В качестве кавалерийского командира. На передней линии. Боги и будды должны быть очень милостивы к тем, кто посмеет заступить ей дорогу – это тоже всем здесь ясно, включая ребенка.

Дама Кодзосю ощущает старость как панцирь, как внешний костяной панцирь, охватывающий спину. Втяни голову, и ты в укрытии. Старость и еще монашеская одежда – хорошая защита для той, на кого никогда не смотрят пристально.

Принцесса-Любовь смотрит. И говорит:

– Для вашей госпожи обнаружение этого письма станет большим ударом. Но она всего лишь жертва кражи.

Дама Кодзосю кивает.

– Когда я приехала сюда, – девичьим голосом продолжает Мэго-химэ, – я считала, что правление Тоётоми – это власть бандитов над горной деревушкой, слишком слабой, чтобы дать отпор и сохранить достаточно рабочих рук... Я быстро поняла, что это не вся правда. Великий господин регент был не только захватчиком, а, кроме того, многое для него делали те, кто вовсе не рассуждал как захватчик. Печально будет, если дело их рук исчезнет бесследно. Зачем нашему миру становиться еще более бранным, чем он есть? Мой муж обещал вашей госпоже защиту и помощь, и это не изменится, покуда он жив... но ваша госпожа вряд ли будет – и захочет – снова править. И теперь вы не сможете оставаться рядом с ней, не отбрасывая тень на ее слова и дела.

– Я старая ничтожная женщина, – улыбается дама Кодзосю, – и ношу монашеский платок не только для удобства.

Это правда. Было инструментом, потом вросло в кожу. Не девочке Мэго пытаться дергать веревку.

Хотя не следует забывать, что такое девочка Мэго. «Не обманывайся, – сказала монахине ее госпожа девять лет назад. – Не обманывайся ничем. Ни безумными манерами, ни грубыми словами, ни семейными ссорами, ни молодостью. Не обманывайся. Сосна на вершине горы, на самом откосе, может быть кривой и растрепанной, но она умеет все, что нужно, – иначе бы не поднялась. Сосна на самом откосе спорит с горой, чтобы расти, но ее корни держат склон, а камни склона дают опору ее корням... И мало какая сила спасет глупца, если он заберется на вершину и срубит дерево. Глупца, его семью, его деревню и все живое на три долины вокруг... Не обманывайся».

Принцесса-Любовь улыбается вся, а не наполовину, как ее муж. Ртом, глазами и душой. Несмотря на усталость и, да, тошноту. Несмотря на войну, что стоит за дверью.

– Я знаю молодого человека, которому сейчас нужен секретарь, – говорит она. – Этот молодой человек учился управлять государством у мастера, но слишком рано вылетел из гнезда. Ему требуются опытные люди, которые будут смотреть на него и видеть господина, а не недостойную тень. Его зовут...

Токугава Хидэтада, думает дама Кодзосю. И понимает, что ей предлагают жизнь. Жизнь, сколько хватит дыхания. И долю в победе.

– Какая чудесная погода, – поет монахиня.

– О да, – отвечает Принцесса-Любовь, – самое время выпить чаю, вы не находите? Сегодня у меня будут все соседки – вы, конечно же, останетесь и расскажете нам новости?

– Это предложение – честь для меня, – отвечает будущая секретарь будущего господина сёгуна, которая теперь просто обязана провести в быстротечном мире не менее двух дюжин лет. – Честь и счастье.

И низко кланяется зеленому дереву над самым обрывом.

Из семейного архива клана Датэ

1591 год

Верхнее одеяние, – красное с золотом, светится тем сытым, маслянистым цветом, что бывает только у дорогой, хорошо прокрашенной ткани. Нижние – строгие, но даже самый беспощадный белый не сравнится шелковым сиянием с матовой кожей, пьяная полночь волос перехвачена в двух местах жесткими лаковыми красными лентами, черные глаза поглощают свет, походка – привязывает взгляд, не обещанием, нет, только изяществом, ритмом. Женщина склоняется перед властелином островов, застывает в поклоне, – так смыкает лепестки вечерница с наступлением утра. Голос, произносящий все положенные слова приветствия, уважения, восхищения, благодарности, – едва ли не прекрасней всего остального.

Что же не так?

Повинуясь приказу, женщина поднимает голову, распрямляется – так не раскрывается вечерница.

– Ну что, – воркует нежный голос, – старый, трухлявый, распухший от самомнения перепуганный гриб, с особо медленными червяками вместо мыслей, изволишь ли быть доволен? У меня дамба не достроена, китобойный флот возвращается, опытные делянки этой ворвани ждут не дождутся, инструкции для крестьян не составлены, а я, по милости твоей трусости, вынуждена торчать в этом позолоченном по самую задницу и по самые водостоки пожароопасном варварском городишке, причем тебе от этого – никакого толку и проку, битое молью чучело обезьяны.

Зал замирает. Даже пылинки в солнечных лучах – и те оскорблены. Битое молью чучело обезьяны, впрочем, не подчиняется общему оцепенению, а переставляет локоть на подлокотнике, корчит странную рожищу и издает вопросительный звук.

– Ну как же, – разводит руками красавица. – Для чего люди берут заложников? Для чего нормальные, а не страдающие водянкой головы, люди берут заложников? Целей две: отвлечь от враждебных действий, угрожая смертью ценного человека, и привлечь на свою сторону, завоевав преданность этого ценного человека. С моей преданностью, надеюсь, все ясно – вам ее не видать, даже пожертвуй вы мне свою ворвань вместо китовой, а что до моего супруга – то когда он решит, что дело требует мятежа, разве остановит его мысль о моей жизни? Конечно же, если со мной что-нибудь здесь случится, он выпьет из виновных всю кровь до капли, самолично, даже если ему будет очень противно... но остановится?

Смех женичины тоже соответствует всем канонам – призрачная россыпь серебряных колокольчиков. Смех Великого Господина Регента не соответствует ничему – он хохочет как строевая лошадь, плачет от смеха, бьет ладонями по подлокотнику, по возвышению... долго потом дышит.

– Госпожа Мэго-химэ, я рад, нет, я счастлив видеть вас! Я не назначаю вам содержания, ибо ваше общество не имеет цены. Берите и требуйте все, что вам нужно – вы не узнаете отказа.

Женичина снова склоняется до земли в точно предписанной традицией последовательности.

Заседание совета на следующий день обещало быть более скучным, верней обещало, пока в залу не вплыло ярко-алое облако ткани и, сопровождаемое ярко-черным же облаком волос, не проследовало, плавно и текуче к подобающему месту и не опустилось на него – почти беззвучно, как и положено облаку. Проще было бы, если бы совет и впрямь посетил незаконное атмосферное явление. Во всяком случае, можно было бы рассчитывать, что где-то в недрах канцелярии отыщутся соответственный прецедент и процедура. Так что великий господин регент, войдя, застал в помещении очередную немую сцену. Впрочем, присоединяться к недоуменной тишине сморщенный человек в рыже-золотом не пожелал. Вместо того чтобы с достоинством опуститься на собственное подобающее место на возвышении, он подкатился к облаку; присел рядом, поднял скромно сложенные руки женичины и перевернул ладонями вверх.

– Это не нагината, – констатирует он мгновение спустя, глядя на желтоватые ряды мозолей.

– Если господину изволит быть приятно, – поет женичина, – это яри. У меня подходящее сложение.

Госпожа Мэго-химэ, чье имя означает «любовь», и правда считалась бы рослой, даже если родилась бы мужчиной. Сложением, однако, может быть уподоблена иве – длинные руки, длинные ноги, сухая, гибкая сила. И правда, веская причина предпочесть укороченной алебарде, типичному женскому оружию, большое копьё, которое ей и по росту, и по руке...

– Ну, – ворчит регент, – этому вас учили дома. Но кто вздумал преподавать вам ножевой бой?

– Мой господин и супруг, – склоняет голову женичина, – по молодости полагает, что, хотя кавалерийское копьё и хорошо для поля, в коридорах и комнатах в руках женичины уместнее короткие клинки. Меч требует слишком большого простора и излишне заметен. Неразумная, в целом, разделяет это мнение.

– Допустим, согласен. И что вы здесь делаете? – интересуется регент.

– Заседаю в вашем совете, великий господин. Не простому же советнику представлять здесь наши земли, раз уж вы изволили притащить сюда меня.

– Действительно... – морщит лоб правитель островов, – и мы запоздали с началом.

Вечером регент изволит пить чай у другой женщины, которую очень мало кто на свете смеет звать прежним именем О-Нэ, ибо кто рискнет обратиться так к госпоже Присолнечной?

– Я хорошо выбрал, – улыбается регент. – Именно тот заложник что нужно.

– Вы считаете, ее муж не станет ею жертвовать?

– Я считаю, что он пять раз задумается, прежде чем ею пожертвовать, – отзывается регент и поясняет: – Ему двадцать три. Ей двадцать два. И они уже похожи, как мы с тобой. – Регент смотрит на жену; с которой прожил, страшно сказать, тридцать лет. – У них даже маски почти одинаковые. А что они ночуют в разных комнатах, так разве важно, кто с кем и как делит и не делит изголовье? Это брак по любви. Ее муж будет осторожен с ее жизнью, а большего мне и не требуется: я сильнее, и время работает на меня.

Далеко, в другом крыле, очень красивая женщина поднимает голову от бумаг.

«Мы и вправду похожи, Обезьяна. Еще и в том, что нас недооценивают даже те, кто оценивает нас высоко. Одень компетентность в красное и белое, вооружи ее копьем, надели откровенной ядовитой речью – и ее силой приволокут в дом, выделят денег на содержание и позволят узнавать, как управлять не просто северной частью островов, а всеми островами. Мы ведь этого пока не умеем, мой супруг и я, нам негде и некогда было учиться. Радуйся, регент, тебе действительно не стоит ждать мятежа, если только не выпадет слишком удобный случай. Не стоит – в следующие несколько лет. Мы можем ждать, время работает на нас».

Молодой месяц в окне улыбается ей в ответ.

6. Сказка о храбром зайце

1600 год, осень

– В старину это было, в далекую старину.

Жили-были старик со старухой. Каждый день старик трудился не покладая рук, но что бы он ни сеял, приходил злобный старый тануки и все портил. Но старик не отчаивался. Однажды пошел он сеять. Бросает зерна и поет песенку:

*Посажу одно зерно,
Уродится тысяча.
Посажу два зерна,
Уродится десять тысяч.*

А чей-то голос ему отвечает:

*Уродит одно зерно
Много-много лишь одно.
Дотемна трудись впустию.*

Присмотрелся старик, а на корневище дерева сидит барсук и насмехается. Понял он, кто портит его поле, и решил наказать дрянного барсучишку. На другое утро пришел он на поле и густо намазал корневище сосновой смолой. А потом принялся работать и песенку напевать. Барсук снова залез на прежнее место и давай насмехаться. А старик как бросится на него:

– Ага, попался, негодник!

Хотел было барсук убежать, да прилип накрепко. Связал старик барсука крепко-крепко лозами, принес домой, повесил под застрехой и говорит жене:

– Вот, поймал я злого барсука, что разорял наше поле. Сварим вечером из него похлебку.

И ушел снова в поле. А старуха принялась толочь рис в ступке. Барсук ей и говорит:

– Тяжело, бабушка, в твои годы рис толочь! Развяжи меня, я тебе помогу.

– Да меня старик заругает!

– Не узнает он! Как натолку рис, ты меня снова свяжешь.

Обманул хитрый барсук глупую старуху. Развязала она его, а он взял у нее пестик, да и пришиб до смерти. А сам запел:

*– Ты не варишь, дедушка,
Суп из барсука.
Свари лучше бабушку
И покушай всласть!*

И удрал в горы.

Приходит старик – глядь, барсука нет, а старуха мертвая лежит... Не плачь, не плачь, мой мальчик! Все будет хорошо – придет с гор храбрый заяц, уж он-то отомстит злому тануки, уж он заставит барсучишку помучаться, а там негоднику и вовсе конец придет. Но про это завтра... поздно уже. Глазки слипаются? Вот и спи, сынок.

Женщина с нежностью смотрит на уснувшего мальчика, потом поднимается. Ночь у постели молодого господина проведут няньки, а ей пора заняться делами. Но перед этим немного отдохнуть. Дамы и девицы, служающие ей, сопровождают госпожу до спальни. Ясно,

что князь Мори сегодня уже не появится, – иначе бы ей доложили. Час поздний, и за стенами замка льет дождь. Ничего, завтра ему не отвертеться от встречи под предлогом непогоды. Что ж, пусть эти бездельницы помогут переменить одежду на ночное кимоно и принесут сладкого сакэ. От него лучше спится, а бессонница вредна для здоровья и красоты. И некому рассказывать ей сказки, чтобы лучше спалось. Некому с тех пор, как матушка и отчим лишили себя жизни.

В нашей сказке все по-другому, мой мальчик. Барсук уже сдох, а старуха до сих пор жива. Старик ни за что не хотел избавиться от нее, хотя какая польза от подурневшей, старой и бесплодной жены? Это, верно, был старческий каприз. И не говорите, что старуха была помощницей и сподвижницей мужа с тех пор, как он начинал свой путь к власти. Предназначение женщины не в этом! Если б женщин ценили за успехи в финансовых и торговых делах, то ее муж не проводил бы все ночи с теми, кто моложе и красивей! Что ж, сама виновата. Мнила себя умнее всех, но разумом ущербна. Теперь бесплодная жена – никчемная монахиня в храме Сан-бонги, а мать юного господина – владычица в Осацком замке. И уничтожит все препятствия, которые помешают ее сыну править страной. Кто способен это совершить как не она, наследница великого Оды?

Никто из детей славного Нобунаги не смог сравниться талантами с отцом. Только она, дочь его сестры. Стоит лишь вспомнить, какой путь она прошла, заставив забыть, что О-Тятя – дочь князя Азай, который всего-то и сумел, что по-глупому проиграть свою жизнь Оде. И что она – падчерица Сибаты, столь же глупо проигравшего Тоётоми Хидэёси. Люди должны помнить, что она, Ёдо-доно – племянница Оды Нобунаги, Демона-повелителя Шестого Неба. Только это имеет значение. Тоётоми Хидэёси, какой бы властью он ни обладал, из-за низкого происхождения не мог зваться сёгуном. А вот Хидэёри, кровный наследник Оды – может. И будет.

Правда, сестрица Го замужем за проклятым Хидэтадой, и ее дети... ладно, с этим мы разберемся позже.

Многие сломались бы на ее месте. Но только не Ёдо. Потеряв все, она решила заполучить все. Этим миром правят мужчины? Значит, надо научиться править мужчинами. Тем более что это просто. Очень просто, если тебе даны красота и ум. Заполучить сластолюбивого старика, начинавшего службу у Оды с того, что носил за господином сандалии, было нетрудно. Гораздо сложнее было стать главной среди сотен окружавших его женщин. Единственной. А для этого надо было уметь не складывать циферки и торговать шелком. Надо родить сына. Ибо правитель без наследника – ничто.

И если какие-то барсучишки думали, что смогут разрушить то, что она с таким трудом создавала, то они ошибались. Небеса уже явно показали свое благоволение, убрав с пути Иэясу. Правда, армия Восточной коалиции, по последним сведениям, выступила к столице, но главные силы Западной коалиции в сохранности и уже здесь. А главное – есть возможность заставить врага подчиниться. Может, тайко и был глуп в том, что касалось женщин, но во всем прочем он толк понимал. Не зря же он потребовал заложников от всех княжеских семей.

Заложники. Исида сделал большую ошибку, оставив их в городе, следовало всех отправить в замок прежде, чем выступать. Но Мицунари стал слишком осторожен после случая с женой князя Хосокавы. Еще одна его ошибка. Он счел, будто ее без труда можно будет захватить, поскольку она исповедует глупую заморскую веру, запрещающую убивать себя.

Грасия Хосокава, однако, нашла способ обойти запрет, приказав старшему самураю мужа лишить себя жизни. И никто так не ликовал при этом известии, как Ёдо. И как иначе?! Как не радоваться смерти той, что была отродьем проклятого Акети, убийцы великого Оды?! Но Исида после этого почему-то не посмел применить к прочим заложникам решительные меры. Хотя обычно подобная слабость была не в его натуре.

Ошибкой, ошибкой было во всем довериться Исиде! Ёдо слишком привыкла на него полагаться. Она знала, что многие считают их любовниками, и, пожалуй, не возражала бы, стань это правдой, ибо изрядно бы упростило некоторые вещи. Увы, фанатическая преданность Исиды дому Тоётоми мешала ему принять очевидное. С другой стороны, благодаря этой преданности Ёдо могла быть уверена: Исиды не совершит ничего, что пошло бы во вред ее мальчику.

И напрасно. Сначала эта нелепая, непростительная мягкость по отношению к заложникам... а потом проигранное сражение.

Но еще не все потеряно. Ничего еще не потеряно, хотя кругом предатели и неблагодарные твари. Только нельзя проявлять слабость. Тогда она заставит быть сильными других. Но, всемогущие небеса, как же тяжело! Почему она, рожденная нежной и хрупкой, обязана быть отважнее и умнее мужчин?

Потому что у нее есть сын. И сыну ее предназначено править страной. Ради этого она все выдержит.

За стеной продолжает лить мерзкий, тяжелый дождь. Кувшинчик из-под сакэ пуст, и угли в жаровне едва тлеют. Глубокая ночь... А завтра все решится. Да. Все решится завтра.

Когда говорят «Мори Тэрумото» – представляют себе кого-то большого, вальяжного, в полном осознании своей значимости. Как же, внук великого Мотонари, повелитель Запада, член регентского совета! И, если не знают, как и куда смотреть, путают главу клана с его дядьями. А Тэрумото в плечах поуже, лицом потоньше, да и не так уж стар – пятидесяти нет. А что медлителен и осторожен, так не возраст, которого пока нет, и не лишний вес, которого никогда не было, тому причина, а привычка. Трудно неосторожному править кланом, где самый талантливый – не он. Трудно сохранить свое в поле, которое рождает военных гениев, как нанялось... А ты-то посредственность, а все твои вассалы помнят деда, который был чем и кем угодно, только не посредственностью. Осторожному тоже трудно, но осторожный может посмотреть, попробовать, просчитать варианты, отступить, если слишком опасно, договориться. Выжить может осторожный, даже если он не гений. Выиграть – не сможет, но ему и не надо. Подрастут дети, племянники, младшие кузены. Может быть, кто-нибудь из них. Потом.

И теперь господин Тэрумото вовсе не тянул, не собирался с духом. Он ждал. Он думал и ждал. Время великого господина регента было хорошим временем для Мори, много прибыли недорогой ценой. Даже война в Чосоне была недорогой ценой: армия, которая не воюет, забывает, как воевать. Если бы не заморские затеи господина регента, не было бы у Мори войска, знающего, как вести себя под артиллерийским обстрелом, и много чего прочего знающего, не было бы кузена Хидэмото-то, настоящего полководца... И это Хидэмото после совещания перед сражением сказал двоюродному брату и господину: «Нам следует быть готовыми ко всему. Ночная атака – оружие слабейшего, его последний шанс на выигрыш. По численности наши армии равны, позиция лучше у нас, а Укита предлагает ночную атаку, Симадзу, который видел больше войны, чем мы все, вместе взятые, его поддерживает, и помешанный на точных маневрах Исиды Мицунари с ними не спорит. Кто-то предал. Кто-то пошел на соглашение с Иэясу. Кто-то... и они не знают кто. Напасть ночью – сбросить доску со стола, перемешать камешки, но от простого перемешивания камень не обязательно сменит цвет. Здесь все подозревают всех, могут ударить – по соглашению с Иэясу, по ошибке, из страха... Нам следует держать дистанцию до последнего и быть готовыми».

Хидэмото был прав. Они удержали дистанцию, вовремя поняли, что бой проигран, – и ушли. Успели.

Теперь нужно было ждать, потому что Уэсуги держат территорию в миллион коку, как и сам Мори, – а значит, в крайности способны в одиночку выставить под сто тысяч войска.

Если захотят, смогут и успеют. Если им не связали каким-то образом руки. Если с ними не договорились... потому что Исида исчез – ранен, мертв, захвачен, скрывается? – а связующим звеном был он. Ждать, потому что Восточная коалиция в ближайшее время может рассыпаться на куски и на какое-то время забыть о противнике. Ждать, потому что приемный сын дяди, Кобаякава Хидэаки, предатель, подаривший мертвому Иэясу победу, не особенно тверд характером, не имеет связей в лагере противника, не умеет действовать без внешней опоры... и в ближайшее время пойдет опору искать. Ждать сведений, послдов, договоров, предложений, военных рапортов, донесений шпионов. Мори Тэрумото – посредственность, не его дело творить мир в тумане. Но ему хватит войск, людей, командиров и, да, ума, чтобы уцелеть, когда туман рассеется.

А госпожа мать наследника, хозяйка замка Ёдо, хочет не выжить, не сохранить свое, не уберечь сына. Она хочет власти, а власть понимает просто. Власть – это когда нога стоит на горле и может в любой момент оборвать дыхание. Мори Тэрумото, сын своего отца, внук своего деда, мог только сожалеть, что за превратностями войны девочке хорошего рода не удалось получить воспитания, достойного ее крови. Потому что власть – это когда твои распоряжения выполняют сегодня и будут выполнять завтра. И послезавтра. И через десять лет. Потому отдавать придется не меньше, чем берешь. Те, кто не понимает, однажды отдают приказ и... Но это – беды госпожи Ёдогими. Беда Мори Тэрумото в том, что ему нужен маленький господин Хидэёри. При самом приятном обороте событий – нужен как штандарт, как символ, как средство сохранить в стране мир, к вящей пользе клана. При худшем – как разменная монета. Нет, ничего дурного, просто в рядах Восточной коалиции достаточно лоялистов дома Тоётоми, и кого-то из них – или нескольких – можно поманить высоким званием опекуна, старшины регентского совета. Мори Тэрумото не обязательно быть первым. Выжить – обязательно. Дед знал, что Тэрумото – посредственность, дед простит ему все, кроме смерти.

Вот только юного господина Тэрумото, явившись в замок, и не увидит. Он откладывал эту встречу, сколько мог, откладывал, сколько позволяли приличия.

Но госпожа Ёдо нарушила приличия демонстративно. Она приняла князя Мори одна. Место, предназначенное для юного господина, пустовало.

– А для чего вам встречаться с господином? – заявила Ёдо. – Что вы можете ему представить? Реляцию о разгроме противника? Голову барсука?

– Барсук мертв, – отвечал князь, скрывая возмущение, которое вызвал у него этот приступ женской ярости. Но если Ёдо не знает приличий, он намерен их соблюдать. – А я привел к стенам Осаки армию, способную защитить столицу и господина.

– Если вы так хотели защищать господина, вам вообще не следовало покидать Осаку!

Вот тут она права, подумал Тэрумото. Если б он не выступил вместе с основными силами, а остался здесь, то сейчас, по крайней мере, полностью бы контролировал ситуацию.

– Юный господин не примет вас, пока вы не выполните его приказа! Вы должны немедленно – слышите, немедленно! – доставить в замок родственников всех сторонников Восточной коалиции! Заложники есть заложники! Они не должны быть на свободе!

– Это приказ господина Хидэёри или ваш?

– Какая разница? Этот приказ позволит нам диктовать мятежникам условия. Не проявляйте слабости! У вас тысячи воинов, а там только женщины и дети!

– Это женщины и дети знатнейших семейств Присолнечной. У них есть свои воины. И отличные воины. А некоторые из них хорошо укрепили свои жилища.

– Вы о Северном квартале? Именно его обитатели нам нужнее всего. Те заложницы с севера, что верны Тоётоми, сами явились в замок, как госпожа О-Кику...

«Возможно, дело не в верности, – отметил про себя Мори. – Возможно, княгиня Уэсуги понимает, что для нее здесь безопаснее».

– ... а остальные должны быть доставлены сюда, желают они того или нет! И жалкие стены не дадут им защиты!

– Если они захотят сопротивляться, они будут сопротивляться. И кровь зальет всю столицу.

– Что за полководец, который боится крови? – Ёдо возвысила голос. – Теперь я понимаю, почему вы оставили поле боя мятежникам. Что за времена настали, если женщина должна показывать мужчинам пример, как быть сильной? Но у меня были хорошие учителя. Господин тайко никогда не боялся проявлять силу – даже к собственным родичам, если они были повинны в измене. Никто не смел и помыслить о неповиновении, ибо смерть наступала всех чад и домочадцев преступника – вплоть до последней собаки! Злоумышлявших постигала мучительная кара, как того негодяя, что тайко сварил в кипящем масле вместе с малолетним сыном!

О да, достигнув высшей власти, тайко стал именно таков. Но Мори впервые столкнулся с ним, когда Хасиба Хидэеси был одним из полководцев Оды. Может быть, самым удачливым, но лишь одним в ряду. И похоже было, что в войне против клана Мори удача ему изменила. Во всяком случае, противостояние затянулось на много месяцев. И Мори Тэрумото счел, что удача перешла к нему, когда Хидэеси предложил мир на выгодных, казалось, условиях. Тэрумото не знал тогда, что Ода Нобунага мертв и что Хидэеси жизненно необходимо перемирие, чтоб развернуть войска и сокрушить Акети Мицухидэ.

Письмо от Акети к Мори с предложением союза запоздало лишь на несколько дней. Такое же письмо Акети отправил Уэсуги, также воевавшим с Нобунагой. Если бы Хидэеси не успел... если бы Тэрумото не стал торопиться с заключением мира и удержал Хидэеси на месте... кто знает, кто бы сейчас правил Японией? И каких бы высот достиг клан Мори?

Никто не корил Тэрумото – генерал-Обезьяна способен был провести кого угодно и врага сделать союзником, не прибегая к излишнему кровопролитию. Но этот случай научил Мори никогда, никогда не принимать поспешных решений. И сейчас он предоставил Ёдо перечислять кары, а сам тянул время. Взвешивал все за и против.

Ёдогими в упоении вспоминала деяния уже не тайко, а Оды, расписывая, какими казнями он вселял страх в сердцах врагов, вроде истории со злокозненным монахом. Она в ужасе, осознал Мори, а вовсе не в ярости, и просто подстегивает себя подобными примерами. Он же обязан рассуждать трезво. Если заложников доставить в замок без жертв, это может принести выгоду. По крайней мере, от штурма и осады замка противник воздержится. Зато потом... Сейчас лагерь противника напоминает домики, которые строят дети из костяшек для игры в сёги⁶. Щелкни по одному – вся постройка рассыплется. Но захват заложников способен объединить вражеский лагерь в единое целое, хотя бы на время. И никто на другой стороне не простит унижения своих родных. В лучшем случае. Потому что без жертв вряд ли удастся обойтись. В городских усадьбах достаточно умных людей, способных предугадать решение Ёдогими, организовать оборону и постараться продержаться до подхода своих. Да, у него не в пример больше воинов, да, они в конце концов одолеют, но день-другой тот же Северный квартал сопротивляться способен. Он знает этих северян. Даже если бы там не было воинов, даже если бы там были только женщины и дети, они дрались бы яростно и умело. А воины там есть, и опытные, один Хасекура чего стоит... А дальше... Мори припомнил когда-то ходившую по столице фразу Мэго-химэ о том, что сделает ее муж, если с ней здесь случится дурное. Что он выпьет всю кровь из тех, кто к этому хоть краем причастен.

Может, выпить и не выпьет. Но выпустит точно. Опыт есть.

Внезапно он осознал, что Едогими молчит. И смотрит ему в лицо.

– Вы уснули, Морисама? Если вы будете спать и дальше, я передам приказ нашего господина Хидээри войскам.

⁶ Сёги, «игра генералов» – настольная игра, напоминающая шахматы, но более сложная. (Примеч. авторов.)

И ведь бесполезно говорить ей: «Вы этого не сделаете». Сделает.

– Я сегодня же приму все надлежащие меры, Ёдо-доно.

Он кланяется и встает, прежде чем она успевает его остановить.

Меры действительно надо принимать, только какие? Внутри растет раздражение – направленное не на Ёдо, что с нее взять, на Токугаву Иэясу. Почему он так глупо позволил себя убить? Будь он жив, Мори сдал бы ему столицу, не теряя лица. В конце концов, Иэясу, хотя бы по видимости, также отстаивал права Хидэёри, а Исида, который более всех был против растущей власти Токугавы – сгинул.

А сейчас... неизвестно даже, кому сдаваться.

Не знаешь, как действовать, – действуй по правилам. Знаешь, как действовать, – действуй по правилам. С трудом сдерживаешь ярость, гнев, беспокойство, раздражение, не можешь даже лечь и заснуть – так устал? Действуй по правилам. Там, где подводят люди и вещи, где подводишь ты сам, церемония, правильный порядок не подведут. Этому его дед не учил, этому не нужно было учить, как не нужно учить рыбу дышать водой. Мори Тэрумото возвращается в свое крыло и зовет секретарей. Бумага, кисточка, тушь, привычные формулировки. Князь Мори, регент и председатель регентского совета, просит всех представителей семейств, находящихся ныне в столице, прибыть в замок, ибо в нынешнем неустойчивом положении он не способен иным образом обеспечить их безопасность – а это его прямой долг.

Госпожа Ёдо может кричать, потрясать нагинатой, брызгать слюной. Но так по правилам. Сначала вежливо пригласить. Даже ее муж, регент, начинал с писем. Даже в последние свои годы, когда ему было проще убивать, чем разговаривать, даже когда он был твердо намерен убить, все равно он всегда начинал с писем.

На приглашения менее важным людям Тэрумото просто ставит подпись и печать. Собственные. Ограничиваться секретарскими – невежливо. Важным – пишет сам. Кто важный – тоже решает сам, выбирая из списков. Это привычный, легкий труд, он успокаивает не хуже стрельбы из лука. Мстительная, удачная, веселая мысль догоняет его посреди потока... и это значит, что судорога прошла, разум готов работать.

– Ты пропустил госпожу Кодай-ин, – говорит он старшему секретарю.

Серый секретарь не вскидывается с беспомощным «но она же...» – слишком хорошо выучен.

Вместо этого покаянно кланяется. Конечно же, госпожа Кодай-ин, бывшая госпожа Кита-но-Мандокоро, вдова господина регента, ныне обитающая в храме Сан-бонги, ни по каким правилам заложником быть не может... даже если ее приемный сын и двое племянников воюют за Восток. Но если предлог – безопасность, то не написать ей – оскорбительно.

– Я сам, – говорит Тэрумото и собирает на бумагу предельно вежливые слова. Конечно, госпоже Ёдо передадут. Конечно, она взревует. А если вдовствующая регентша и впрямь решит перебраться в замок, то руки Мори станут несколько посвободней – женщины будут заняты друг другом...

Руки мерзнут – на дворе глубокая осень. Руки мерзнут, суставы болят, но все следующие письма идут легко и весело. Те, кто прочтут их, поймут: отправитель пребывает в прекрасном настроении и очень уверен в себе. Тоже хорошо.

Еще не все приглашения отправлены, как начинают приходить ответы. На это отчасти и расчет. Те, кто уже получил, передадут соседям, начнут советоваться с союзниками, запугивать оппонентов. Слухи, страхи, палка в муравейнике. Так себя запугают и запугают, как тебе и нарочно не устроить.

В письмах – соглашаются, отговариваются, спрашивают о сроках, тянут время, прощупывают почву... Желтый прямоугольник из храма Санбонги раскрывается почти сам, от первого касания. И не содержит никаких секретов.

Просто госпожа Кодай-ин, скромная монахиня, до которой никому не должно быть никакого дела, просит – когда у такого занятого человека найдется свободное время – посетить ее в ее вдовьем убежище и присоединиться к ней в ее молитвах за благополучие страны и процветание дома Тоётоми.

Двое ее племянников воюют за Восток. Двое за Запад. Ее приемный сын, будь он проклят и будь проклят тот час, когда регент заставил дядю усыновить эту тварь, позор фамилии Кобаякава... Ее приемный сын посещал скромную монахиню перед самым сражением. Госпожа Кодай-ин что-то знает – иначе бы не звала. И то, что она знает, может оказаться полезным. Может быть, кто-то с той стороны уже сделал первый ход.

Надо идти. Тем более что это тоже способ тянуть время.

Дождь прекратился, хотя бы на время. Можно ехать верхом, не опасаясь промокнуть. Негоже главнокомандующему передвигаться в паланкине, как беременной женщине. Даже если ехать надо по столичным улицам, а главнокомандующий – усталый немолодой человек. А сырость, из-за которой ломота в теле усиливается, – в седле ее даже легче перетерпеть.

Разговор с Ёдо-доно состоялся утром, сейчас лишь вечер, но уже темнеет. Что поделать – осень, дни становятся короче, таков порядок, установленный небом, и он непреложен, в отличие от порядков, установленных людьми. С последними можно поспорить. И многие пытаются.

Она боится – мысли Мори возвращаются к вдове регента. Она, безусловно, боится. До недавнего времени, чья бы сторона ни взяла верх, ей ничего не угрожало. Не только из-за племянников. Госпожу Кита-но-Мандокоро связывала давняя дружба с Токугавой Иэясу. Теперь же равновесие нарушено, и об уважении, которые воюющие стороны питают к вдове Хидэёси, могут забыть. А ведь есть еще Ёдо, не к ночи будь помянута. Но все это, вместе взятое, не заставило бы госпожу вдову испугаться. Что-то случилось... что-то важное, и потому Мори спешает по дороге к храму.

Монахиня Кодай-ин, госпожа Кита-но-Мандокоро, которую еще помнят под именем О-Нэ, дожидается князя Мори Тэрумото в своих покоях при храме. Она тоже устала, эта немолодая уже женщина, которой регент был обязан немалой долей своих успехов. Красавицей, подобной Ёдо, О-Нэ не была даже в юности. Миловидна и привлекательна – это да, это было. Сейчас от этой милovidности не осталось и следа. А ведь она не так стара, Мори знает немало женщин в ее возрасте – не только матерей и бабушек, но и монахинь, чьи лица гладки, округлы и светятся покоем. Черты О-Нэ, напротив, с возрастом сделались вызывающе резкими. И стало так еще до смерти тайко – или Мори обманывает память?

Остроумцы утверждали, именно из-за нее пошла мода на умных жен: господин регент эту моду завел, а остальные подхватили. Впрочем, судя по Ёдо, тот же тайко с этой модой и покончил. Но, так или иначе, Хидэёси не принимал важных решений, не посоветовавшись прежде с ней. О-Нэ известно многое из того, о чем не знал даже Исида. Но какое отношение это имеет к нынешней встрече?

Внезапная мысль: а вдруг она боится не за себя, а за Кобаякаву? Каким бы ни был он гнусным предателем – родная кровь и приемный сын... но тут она вряд ли найдет сочувствие у Мори.

Вполне вероятно... Так думает он, пока они обмениваются всеми словами, что предписывает этикет, но следом женщина произносит нечто, напрочь опровергающее эту догадку.

– Ваша светлость, в моем доме случилась беда, которая может обернуться бедой для всех... для всей Присолнечной. Похищен документ чрезвычайной важности, доверенный мне тайко.

Скажи это кто другой, Мори усмехнулся бы про себя – ох уж эти женские страхи, это желание всегда и во всем преувеличивать! Но к вдове регента это не относится. Ни при каких обстоятельствах.

И она действительно напряжена, едва держит себя в руках – это с ее-то опытом в политике.

– Что за документ, госпожа? – Что бы ни произошло, глава клана Мори обязан сохранять лицо.

– Собственноручное письмо великого господина, написанное мне двадцать второго дня пятого месяца второго года Бунроку.

Очевидно, дата имеет важное значение. Но Мори она не говорит ни о чем. Потом вспоминает: в тот год родился юный господин Хидэёри. Наследник. Дитя закатных лет господина регента, гордость Ёдо-доно. Правда, это произошло позже, несколько позже.

А дальше, она произносит такое, что все самообладание Мори, которое он старательно пестовал десятилетиями, дает сбой.

– «Единственным сыном тайко был Цурумацу. Ребенок, который родится у Тяти, принадлежит только ей»⁷.

– Это написал господин тайко? – Голос князя предательски срывается.

– Я уже сказала. Своею рукой. Такое не доверяют секретарям.

Секретарям не доверяют... а ей доверили. Получается... получается... Голова князя готова лопнуть. Получается, что тайко извел прежнего наследника... пролил реки крови... ради младенца, который даже не был его сыном? И все знал?

Мори припоминает все слухи о госпоже Ёдо и Исиде, которые шли из стана противника. Хотя нет... будь это правдой при жизни тайко, Исиды давно был бы мертв. Мори припоминает: в тот год, когда родился юный господин, тайко казнил многих из свиты Ёдо-доно... Но никто не придавал этому особого значения, таковы были обыкновения регента в последние годы. Но почему, истребив служанок и монахов-заклинателей, Хидэёси оставил в живых изменницу? Опасался позора? Или здесь был какой-то очередной расчет старой Обезьяны? Хидэёси всегда далеко просчитывал ходы, Мори испытал это сам...

А пошло оно все к ёкаям⁸! Главное теперь не это.

– Почему вы не уничтожили письмо?

– Господин регент не приказывал мне этого, – твердо отвечает вдова. – Следовательно, он хотел, чтоб я его сохранила. Кроме того, в нем была гарантия моей жизни.

Ну еще бы. Если бы Ёдогими знала о существовании этого письма... Если б только заподозрила...

– Госпожа Кодай-ин, вы кого-то подозреваете в похищении?

Вдова смотрит в лицо главнокомандующему, во взгляде ее есть нечто птичье.

– Я никого не подозреваю. Я точно знаю.

Мори едва не подскакивает на месте.

– И кто же?

– К сожалению, это особа, которой я полностью доверяла на протяжении многих лет. И она единственная, кто знал о существовании письма, поскольку имела допуск ко всей документации – моей и во многом документации господина регента.

Мори догадывается, о ком речь. Дама Кодзосю, серый призрак в глубине прежней администрации.

– Вчера она покинула храм. Я не обеспокоилась сразу, так как эта особа иногда выходила по делам в город. Но она всегда возвращалась до наступления ночи. Когда стало известно, что она не вернулась и утром, я обеспокоилась и отправила людей искать ее, а сама решила проверить, все ли документы на месте. Слуги никого не нашли, зато я обнаружила пропажу.

⁷ Цитируется подлинное письмо Хидэёси. (Примеч. авторов.)

⁸ Ёкай – злой демон, нечисть. (Примеч. авторов.)

Затем пришло ваше послание, Тэрумото-сама. Несомненно, это воля Будды, что вы решили обратиться ко мне...

– Прошли сутки... – размышляет Мори, с хрустом стиснув пальцы. – Она могла скрыться или даже покинуть столицу... Кому она могла передать *это*?

– Возможны разные предположения. Но я припоминаю, что у этой особы, – вдова старательно избегает называть похитительницу по имени, – были связи с кланом Датэ.

– Датэ? Это вряд ли. Одноглазый мог бы причинить немало беспокойства, но он на севере, Уэсуги его не выпустят...

– Как? Ваша разведка ничего не сообщила? – Брови Кодай-ин поднимаются, лицо выражает укоризну, кажется, она готова отчитать главнокомандующего: как так можно, в военное-то время? – Уэсуги разбиты и отступили в Айдзу. А Датэ Масамунэ уже несколько дней находится в лагере Восточной коалиции. Насколько мне известно, советники клана Токугава намерены передать ему командование.

Будь оно все проклято. У этой женщины в сером, сидящей в тиши храма, до сих пор разведка работает лучше, чем у Мори... Работала бы, если б та, кто эту сеть и создала, не предала свою госпожу. Но и не это сейчас главное.

Датэ. Даже и без письма Масамунэ способен был поломать игру, замысленную Мори. Тануки и Дракон годами занимались тем, что подстраивали взаимные каверзы и норовили отхватить друг у друга из-под носа куски посочнее. Но в момент смертельной опасности один мог рассчитывать на другого. И, кажется, смерть Иэясу ничего не изменила. Да, если Токугава по-прежнему имеют поддержку Дата, внести раскол в ряды Восточной коалиции будет гораздо труднее...

Вот только зачем?

Обе стороны клянутся, что сражаются за права наследника Гоётоми. И если выяснится, что Хидэёри вовсе даже не наследник... А если письмо попадет в руки Дата и Токугавы, они уж постараются, чтоб это стало известно всем и каждому...

А оно попадет. Не сам ли Мори говорил нынче утром, что у северян в столице достаточно людей? И жена Одноглазого наверняка найдет способ передать послание мужу. Уже нашла. Сутки миновали, отправлять погоню бессмысленно. А дальше... Удастся ли забрать заложников в замок, разразятся ли бои в городе – не имеет значения. Через несколько дней армия Восточной коалиции подойдет к столице. Но прежде нее доберутся опасные слухи. И все рухнет.

Конечно, многие не поверят. Или поверят не сразу. Господин регент пролил реки крови, чтобы укрепить право наследования Хидэёри. Нет, не все будут готовы сложить оружие. Но боевой дух это пропавшее письмо убьет напрочь.

У Мори нет сил, чтобы гневаться на собеседницу, выпустившую из рук преступную тайну.

Ах, господин регент, зачем вы завели обычай всем делиться с женой, в том числе и переживаниями? Сразу видно, что простолюдин по рождению. Никогда не стоит делать подобного.

Но не время сейчас думать об этом. Мори Тэрумото попал между жерновами, но не допустит, чтоб его перемололи.

– Значит, вы полагаете, что командование будет в руках Датэ?

– Не дело монахини – судить о делах военных. Но так сообщают достойные доверия люди.

– Благодарю вас, что не скрыли от меня эти сведения. Не сомневайтесь, я приму необходимые меры.

Он не хотел принимать поспешных решений – но и медлить тоже нельзя. Необходимо немедленно посоветоваться с кузеном Хидэмото. Хотя и так можно догадаться, что тот посоветует.

Однако Хидэмото первым дал знать о себе. У входа князя дождался гонец. Снова шел дождь, на сей раз мелкий, дробный, и клановый флажок, прикрепленный к легким доспехам, поник, как осенний лист. Тэрумото взял послание из его рук, пробежал глазами.

Определенно небеса еще не исчерпали список испытаний для Мори. Письмо Хидэмото тоже было не из тех, что доверяют секретарям, но совсем другого рода.

«Брат, срочно приезжай в лагерь. Есть вести об Исиде».

7. Две разновидности демонов

Человек ест, медленно и аккуратно, очень маленькими порциями, тщательно пережевывает, оценивает все градации вкуса. Запивает супом. Тому, кто голодал, не стоит есть сразу много. Так можно даже умереть. С другой стороны, нужно восстанавливать силы, а неизвестно, когда в следующий раз приведется случай. Нынешнему ужину можно доверять, несмотря на странный вкус и то, что часть ингредиентов он попросту не узнает. Отравы нет и быть не может. Временный хозяин покоев слишком любит кровь, чтобы травить людей, полностью находящихся в его власти.

Человек откладывает палочки, отпивает воды из плошки – здесь знают, что он не любит сакэ, – и искренне говорит:

– Очень вкусно. – а потом добавляет: – Но с соусом к рыбе что-то не так.

Привычка говорить правду, так, как он ее видит, нажила ему много врагов и, возможно, погубила его дело, но сейчас уже не было смысла от нее отказываться.

– Это не соус, – вяло отвечают из темного угла, где сходятся перегородки. – Тут просто нужен коричневый рис, но вы могли это неправильно понять.

Тут абсурд ситуации проникает гостя целиком, и некоторое время он заливается непросто невежливым хохотом. Вокруг – гражданская война. На кону жизни всех. Вся старая вражда, вся старая ненависть полезла из щелей, потекла кровью под ворота... А этот, этот – как его назвать-то? – озабочен тем, что товар, который ему предали и продали, – и задешево продали, кстати, – может неправильно оценить поданный ему нешелушенный рис, крестьянскую еду. Всему положен предел на свете, и только у человеческой глупости нет предела. Последнее он говорит вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.